Ярослав Тинченко
(Київ)

СПОГАДИ ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА УНР ГЕНЕРАЛА ГРЕКОВА

Oleksandr Hrekov. The memoirs of Minister of War of Ukranian People's Republik. The publication of Y. Tynchenka.

The former Minister of War of Ukranian People's Republik and the Commander of Ukrainian Galician Army, general Oleksandr Hrekov (1875–1959) was arrested by Soviet intelligence service in Vienna in 1948 and sentenced to 25 years of hard labour camp. After having been released in 1956 he returned to Austria, where he died soon afterwards. Here we published memoirs of general, which were.

Ми продовжуємо публікацію матеріалів, пов`язаних із життям та діяльністю колишнього генерал-майора генштабу російської імператорської армії, військового міністра Української Народної Республіки та головнокомандувача Української Галицької армії Олександра Петровича Грекова. На додаток до публікації документів з його архівно-кримінальної справи[1], пропонуємо увазі читачів спогади генерала, присвячені українізації військових частин на фронті у 1917 р., діяльності Грекова на посаді командувача військами Південної групи армії УНР і військового міністра Директорії, нарешті – оповідання про арешт та заслання у 1948-1956 рр.

Ці спогади О. П. Греків написав після від'їзду з СРСР – приблизно у 1956-1958 рр. Після смерті генерала його донька, вочевидь, пропонувала спогади багатьом редакціям і видавництвам, й 1964 р. у № 11 журналу "За Державність" вийшов скорочений нарис Грекова "На Україні в 1918 році". Напевно, таке ставлення до спогадів батька (вірогідно, через намагання редакції якось виправити виразну антипетлюрівську позицію автора) не вдовольнило власницю, яка вирішила пере-

дати тексти генерала до російського білоемігрантського часопису, що виходив у Каліфорнії – "Вестник Первопоходника".

Цей часопис був заснований ветеранами Добровольчої та колчаківської армій і виходив невеличким накладом – 100-200 примірників. Незважаючи на те, що спогади О.П. Грекова виявилися не зовсім "профілюючими" для "Вестника", редакція взялася за їх публікацію, усвідомлюючи, що будь-яка тогочасна мемуаристика у майбутньому стане цінним історичним джерелом. На терені колишнього СРСР можна знайти лише чотири неповних комплекти "Вестника Первопоходника". Спогади Грекова довелося відновлювати за двома із них – тих, що зберігаються у приватному зібранні московського історика Сергія Володимировича Волкова та у Державній історичній бібліотеці Російської Федерації.

Отже, перша частина «На Украине в 1918-м году» була опублікована у №№ 43 і 44 "Вестника Первопоходника"за 1965 р.; "Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году» – у №№ 45-50 за 1965-1966 рр.; «Петлюровщина» – у № 51-52 за 1966 р., «Восемь лет в ссылке в Советском Союзе» – у № 59-60 за 1966 р. Саме у такій послідовності ми і пропонуємо їх увазі читача.

ЧАСТИНА ПЕРША. "НА УКРАЇНІ В 1918 РОЦІ"

От редакции [журнала "Вестник Первопоходника"].

С настоящего номера мы начинаем печатать еще не появлявшиеся нигде в печати воспоминания генерала А. П. Грекова, бывшего Главнокомандующего Украинской, а затем Галицийской Белой Армии, любезно предоставленные дочерью генерала Грекова Елизаветой Александровной. Записки генерала Грекова весьма интересны по содержанию и охватывают период времени с 1917 по 1959 год.

БИОГРАФИЯ ГЕН. ШТАБА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ГРЕКОВА

Род Грековых произошел из Греции, и родословная их в России начинается в 15-м веке. При венчании Иоанна 3-го с греческой царевной Софией Палеолог в 1472 г. присутствовала привезенная ею свита, в числе которой был также и ее соотечественник Логофетос. Он остался в России, и из-за трудности его иностранной фамилии был прозван просто "грек"; это прозвище перешло на его потомков, а во время царствования Екатерины 2-й к нему был прибавлен суффикс "ов". С течением времени Грековы получили дворянство за военную доблесть: в

их гербе был византийский крест, указывающий на их происхождение. Во время царствования Александра 1-го Иван Кириллович Греков, генерал и участник Наполеоновских войн, приобрел имение в Черниговской губернии, в Глуховском уезде, которое унаследовал его сын Гавриил, а затем внук Петр. Петр Гаврилович Греков был женат на дворянке Марии Григорьевне урожденной Дидевич, их старший сын Александр Петрович Греков родился 21 ноября (ст.ст.) 1875 г. Он учился в гимназии в Москве и уже с ранних лет имел склонность к военным наукам, но отец его этому не сочувствовал и потребовал от него, чтобы он поступил на юридический факультет Московского Университета. Исполнив волю отца, он окончил полный курс с дипломом 1-ой степени, но не оставил своей мечты о военной карьере, и в конце концов отец его с этим примирился.

Александр Петрович поступил в Московское Военное училище, где окончил полный курс двух классов по 1-му разряду, и дополнительный курс успешно. За отличные успехи в науках он был произведен в 1905 году в штабс-капитаны и был командирован в Л[ейб-]Гв[ардии] Егерский полк.

В том же году он женился на Наталии Ивановне Кабат, дочери гофмейстера Выс. Двора, тайного советника и сенатора Ивана Ивановича Кабат. (Наталья Ивановна была внучкой известного лейб-окулиста Александра 2-го Ивана Кабата; Кабаты были выходцы из Венгрии, попавшие в Россию в начале 17 века и получившие впоследствии русское подданство и дворянство). От этого брака у него был сын Олег, который рано умер, и дочь Елизавета, которая живет в столице Австрии Вене.

Грековы жили в Петербурге, а летом в имении Кабатов в Курской губернии, в Фатежском уезде, которое Наталия Ивановна унаследовала от своего отца. В течение лет Александр Петрович исполнял разные военные должности, с 1908 г. читал лекции по политической и военной истории и тактике в Петербургских военных училищах и проводил экзамены по этим наукам. В 1910 г. он был помощником старшего адъютанта Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа. В 1912 г. он был допущен к экстраординарной профессуре на кафедре военной истории Академии Ген. Штаба; среди его слушателей были также и великие князья. В 1913 году он был произведен в подполковники. При мобилизации, 18-го июля 1914 года, он отбыл в должность начальника штаба 74-й пехотной дивизии; в 1915 г. он был начальником штаба 1-й Гвардейской пехотной дивизии.

По постановлению Георгиевской Думы, приказом Командующего Гвардейским отрядом от 4-го марта 1916 г., Александр Петрович

Греков за бои на Карпатском фронте (Красна, Небылов, Рожнятов, Сварычев) был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Кроме того, за отличия в боях он имел ордена: Св. Владимира 3-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени, Св. Анны 4-й степени с надписью "За храбрость", Св. Станислава 2-й ст. и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст; светло-бронзовую медаль на ленте Белого Орла за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года.

В декабре 1916 г. он был произведен в полковники и в апреле 1917 г. назначен командующим Лейб-гвардии Егерским полком. В августе 1917 г. он был назначен на должность начальника Штаба 6-го армейского корпуса, командиром которого был генерал-лейтенант Нотбек. Приказом Армии и Флота от 20 сентября 1917 г. А. П. Греков был произведен в генерал-майоры.

Когда ген. Греков в сентябре 1917 г. приехал в штаб 6-го корпуса, положение было очень трудное и сложное. Уже несколько раньше корпус был объявлен украинизированным — мера, к которой решилось прибегнуть начальство юго-западного Фронта, чтобы скрепить Фронт. В украинизированных корпусах были так называемые рады, созданные в параллель комитетам русских частей, и с этими радами киевский украинский центр и, в частности, "секретарь войсковых справ" Петлюра установил непосредственную связь. Как раз в момент прибытия ген. Грекова в ставке внезапно решили приостановить украинизацию, и 6-й корпус был объявлен дезукраинизированным. Украинские элементы были, конечно, против, тем более, что сформированные в корпусе русские комитеты сплошь оказались большевистскими. Борьба между корпусной радой и комитетом чрезвычайно обострилась, и попытки ген. Нотбека примирить их не привели ни к каким результатам. На долю ген. Грекова выпала задача так или иначе создать внутренний порядок в корпусе, и он нашел, что единственной возможностью было признать status quo данного момента. Командир корпуса согласился донести в армию, что такое положение неизбежно и не может быть изменено без опасности для фронта; корпус остался украинским.

Между тем, ген. Нотбек получил 1-ую армию и, так как он работал с ген. Грековым большую часть войны (в 1-й гвардейской пехотной дивизии), то он предложил ему должность генерал-квартирмейстера 1-ой армии. Приказ об этом назначении был получен 20 октября 1917 года; между тем, перед этим только что произошел большевистский переворот, и 1-я армия стояла на Двинском фронте, то есть в сердце большевизма.

Ген. Греков выехал из штаба корпуса к месту нового назначения, еще не зная о перевороте. По делам корпуса он должен быть в Киеве и говорить с Петлюрой; приехав в Киев, он узнал о положении дел в Петербурге, но тем не менее собирался ехать дальше в 1-ую армию, исполняя приказ, хотя и видел, что новые распорядки нельзя было приравнивать к прежней военной службе. По данному ему поручению он отправился в военный секретариат, где был направлен в полк. Скрипчинскому, так как Петлюра в это время выехал на несколько дней из Киева. Полк. Скрипчинский сообщил ген. Грекову, что у него только что была депутация от 6-го корпуса, которая поручила ему передать Петлюре, что украинцы 6-го корпуса категорически требуют от своего военного министра оставления ген[ерала] Грекова на украинской службе. Депутация была командирована в Киев немедленно по отъезде ген. Грекова из корпуса, и он ничего об этом не знал.

Хотя он с самого начала своей военной службы всегда был очень популярен как среди солдат, так и среди товарищей и начальства, будучи очень умным, добрым и справедливым человеком, прекрасным специалистом и организатором и храбрым офицером, это сообщение о просьбе корпуса его очень поразило и тронуло. Его колебания прекратились, и он решил поступить на украинскую службу, но сначала проехать к своей семье в курское имени; семья его выехала туда уже летом 1915 г. и больше в Петербург не возвращалась.

23-го ноября он снова выехал в Киев, где имел разговор с Петлюрой, который сказал ему, что пока подходящей должности для него не имеет, но что в виду просьбы 6-го корпуса постарается таковую найти и тогда известит.

Ген[ерал] Греков снова поехал к своей семье в имение, из которого 6-го декабря окончательно выехал в Киев, не имея сообщения от Петлюры. В Киеве он был направлен на этот раз к командующему Киевским военным округом Шинкарю. Шинкарь предложил Петлюре дать ген. Грекову должность начальника штаба округа, и с этого началась его служба на Украине.

С марта 1918 г. до переворота Скоропадского ген. Греков был помощником военного министра Жуковского; на нем лежала вся чисто военная техническая работа министерства. При перевороте Скоропадского Жуковский был арестован, но центральный аппарат министерства не был уничтожен. Тем не менее, ген. Греков был не у дел. Он очень беспокоился о своей семье, от которой не имел известий, и в одежде рабочего отправился в Курск и оттуда пошел пешком в имение, находящееся в 18 верстах. Повернув с шоссе на проселочную дорогу к имению, он по счастливой случайности встретил своего старого куче-

ра, который его узнал и в испуге сказал ему, чтобы он шел назад, иначе его убьют. Оказалось, что в конце февраля крестьяне отобрали имение, сожгли ценную библиотеку и часть дома, а семье предоставили лошадь и сани и то имущество, которое на них можно было уложить, и тот же кучер отвез их в Курск. Сначала их вообще убить, но многие из крестьян заступились, так как прежние владельцы Кабаты, и Грековы всегда были в хороших отношениях с крестьянами и много им помогали. Вернувшись в Курск, ген. Греков провел с семьей только несколько часов, так его кто-нибудь мог узнать, и договорился с инженером путей сообщения, у которого они поселились, что он при первой возможности отправит их в Киев, что и удалось летом.

За это время все патриотические украинские элементы, не пожелавшие остаться на службе у Скоропадского, объединились в военное товарищество "Батьківщина" ("Родина"), головой которого был выбран генерал Греков. В конце октября 1918 г. он по настоянию этого союза принял должность начальника главного штаба, а с объявлением директории в ноябре 1918 г. был немедленно назначен главнокомандующим полевыми армиями. 17-го декабря 1918 г. директория поручила ген[ералу] Грекову вести переговоры с французским командованием в Одессе и назначила его главнокомандующим Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний. Он поместился со своим штабом на станции Раздельной и приступил к организации местного гражданского управления названных губерний и к формированию местного гражданского управления названных губерний и к формированию воинских частей. Работа шла успешно, но директория в начале января 1919 г. внезапно прервала ее, вызвала ген. Грекова в Киев и предложила ему должность военного министра, с которой была связана колоссальная организационная работа; несмотря на это и ввиду хаотического положения на фронте, 24 января 1919 г. директория, кроме того, подчинила ему полевой штаб. Из-за постоянного вмешательства некомпетентных лиц в военные дела и вечных неурядиц и интриг в директории, ген. Греков, несмотря на все свои усилия и блестящие организационные и военные способности, не в состоянии был удержать фронт и сохранить Киев. Переговоры с французским командованием, которые могли дать, особенно в начале, успешные результаты, не привели ни к какому соглашению, так как французы потребовали ухода Петлюры, на что лидеры украинских партий не согласились. Ген[ералу] Грекову уже в феврале было ясно, что украинское дело проиграно; он отправил свою семью в Галицию, в г. Станиславов, а 17 марта 1919 г. он вовсе ушел с украинской службы и также уехал в Станиславов в качестве частного лица.

Однако, военное поприще ген. Грекова на этом не окончилось. В это время Галицкая армия под командой ген[ерала] Омельяновича-Павленко начала отступать под давлением польских войск. Председатель Галицкого секретариата т. Голубович обратился 16 мая 1919 г. к ген[ералу] Грекову с предложением принять пост командующего Галицкой армией, на что этот последний согласился. Уже 9-го июня армия под его командованием перешла в наступление, в войсках произвело громадное впечатление занятие в тот же день Чорткова и весь бой, под личной директивой генерала Грекова. В течение июня наступление шло успешно, но был недостаток боевых припасов; 28 июня поляки нанесли тяжелый удар галицким войскам, но положение могло быть спасено, если бы галицкий диктатор Петрушевич исполнил требование ген[ерала] Грекова и закупил за Збручем снарядов и патронов. Вместо этого диктатор вел за спиной ген. Грекова переговоры с Петлюрой и, кроме того, видимо, завидовал или боялся его популярности в войсках. Когда ген. Греков сам начал вести переговоры о боевых припасах с офицерами французской армии Петрушевич обвинил его в том, что он будто бы просил у французов иностранный паспорт, чтобы бросить армию и уехать. Так как при этих переговорах были свидетели, Петрушевич должен был официально взять назад свое обвинение, но ген[ерал] Греков уже больше не согласился остаться и 7 июля 1919 года оставил командование. Его семья, которая все это время была на берегу Днестра в Залещиках, переправилась на другой берег и отправилась в город Черновицы, принадлежавший тогда румынам. Через несколько дней, ген[ерал] Греков последовал за семьей и был интернирован румынами, которые потом разрешили всей семье свободно жить в Черновицах. Весной 1920 г. ген[ерал] Греков вплоть до 1922 г. действительно был в связи с представителями Антанты, писал статьи в газетах и встречался с разными лицами, в надежде заинтересовать их в организации антибольшевистского движения.

Между тем интерес к России со стороны разных представителей все уменьшался, в Австрии экономическое положение было очень трудно, деньги со дня на день теряли цену. Тогда жена ген[ерала] Грекова решила продать фамильные драгоценности, которые ей удалось вывезти из России, и Грековы купили небольшой дом и около полутора десятин земли в 25-ти километрах от Вены, в местечке Санкт Андре-Вердерн. Там они занимались куроводством и огородничеством и все работы исполняли сами, что с непривычки было не легко. Ген. Греков пахал, рубил дрова и пр.; местное австрийское население относилось ко всей семье очень сочувственно и помогало, чем могло. Все же доход с такого маленького владения был невелик, в 30-х годах пришлось

заложить дом, а в 1938 году продать. Ген[ерал] Греков окончил курс бухгалтерии и получил работу в Вене; дочь его имела место уже раньше.

В 1945 г., когда Красная Армия приближалась к Вене, все друзья уговаривали ген. Грекова уехать, но он не хотел и говорил, что он старый солдат и ни от кого бежать не будет. В первые годы оккупации советские власти им не интересовались, хотя было несколько случаев допросов старых русских эмигрантов; некоторые были уже в 1945 г. увезены, были также похищения разных других лиц. Осенью 1948 г. (ген[ералу] Грекову тогда было уже почти 73 года) к нему неожиданно приехали советские офицеры в форме МВД, посадили его в автомобиль и увезли в неизвестном направлении.

Дочь в отчаянии ходила ко всем советским инстанциям, но никакого объяснения не получила, а местные власти были бессильны против вооруженной оккупации. Шесть лет от ген. Грекова не было никаких известий, хотя австрийское министерство по просьбе дочери много раз запрашивало Москву (он был австрийский подданный). Предпринять что-либо было невозможно, так как номер лагеря был неизвестен и никто не знал, жив ли он вообще.

Вдруг зимой 1954 г. старые австрийские друзья получили от ген[ерала] Грекова открытку с несколькими словами и номером лагеря. Это было после смерти Сталина, когда жизнь в концлагерях стала несколько легче. Получив это известие, дочь генерал с удвоенными усилиями ходила с прошениями во все учреждения, какие толь можно, и подвала семь или восемь раз все бумаги, доказывающие его австрийское подданство. Между тем, начали приходить от него письма и даже можно было ему послать несколько посылок.

В конце 1954 г. в СССР вышли указы об освобождении из лагерей малолетних и старых, но эти указы проводились на практике очень медленно. Только в 1956 г. дело ген[ерала] Грекова было рассмотрено, и 23 декабря 1956 года он вернулся в Вену.

Благодаря своему железному здоровью и редким душевным силам он выдержал эти восемь лет ссылки и вообще, как он говорил, входил в курс событий на всем свете. Когда он был похищен из Вены, его сначала продержали в тогдашней советской тюрьме в Бадене под Веной, а затем отправили в Киев в «Лукьяновку», там он был приговорен к 25 годам ссылки и отправлен в Сибирь; он был в Тайшете и других лагерях и до 80-летнего возраста должен был выполнять тяжелые работы.

По возвращении он еще прожил почти три года. Весной 1958 года умерла его жена, а он скончался 2-го декабря 1959 года от удара. Он похоронен на кладбище в Санкт Андре-Вердерн, там же, где похо-

ронена его жена. Местное население, знавшее их столько лет, до сих пор чтит их память, на могилу часто приносят цветы, а дочь генерала, зажигая на ней свечу, думает о нем и о Родине, за которую он положил столько сил.

А. П. Греков. НА УКРАИНЕ В 1917 ГОДУ

От Редакции:

Печатая мемуары ген. Грекова, редакция заявляет, что хотя описываемые им события не имеют прямого отношения к Белому Движению, однако, они не лишены интереса, обрисовывая тот хаос, который царил на Украине в ту эпоху.

6-го сентября 1917 г. поздно вечером я приехал в Разночинце (близ Збаража) в штаб 6-го корпуса, начальником какового я был назначен в конце августа. Только что, начав оправляться от тяжелой малярии, которой заболел в начале июля, я чувствовал себя еще довольно слабым. Но в штабе корпуса сразу пришлось взяться полным ходом за работу, так как командир корпуса, В.В.Нотбек, на другой день после моего приезда заболел дизентерией, а между тем, во внутренней жизни корпуса, момент был чрезвычайно острый и сложный. В июне или июле месяце корпус был объявлен украинизированным — мера, к которой решилось прибегнуть начальство юго-западного фронта, чтобы скрепить фронт: все украинские элементы выделялись в несколько специально намеченных корпусов (6-й, 17-й Шиллинга, 34-й Скоропадского и др.) и выдвигались на фронт вдоль украинской территориальной границы, в предположении, что свою территорию местные украинцы будут более упорно и активно отстаивать, чем общая армейская масса, начавшая к этому времени уже весьма заметно разлагаться.

Две трети личного состава частей корпуса было уже пополнено украинцами, когда внезапно в ставке решили приостановить украинизацию и некоторые корпуса, в том числе и 6-й, объявлены были дезукраинизированными. Между тем, в августе месяце в Киеве стало на более или менее твердую почву украинское национальное движение. Пользуясь слабостью временного правительства и пассивностью военного командования в отношении всего, объявившего себя идущим под флагом революции, киевский украинский центр и, в частности, “секретарь войсковых справ” С.В.Петлюра установил непосредственную связь с украинизированными частями фронта и их радами, созданными в параллель комитетам русских частей еще в период украинизации.

Подогреваемое постоянно из Киева и без того горячее украинское настроение частей, о создании какового настроения только что во всю хлопотало само военное начальство, столкнулось с новым веянием дезукраинизации и приказами снова обратиться в русские части, заменить рады комитетами и войти в общую линию русских войск. Противодействие украинских элементов этому обрусению выявилось еще тем острее, что сформированные в корпусе русские комитеты сплошь оказались большевистскими, до корпусного комитета включительно, где председательствовал определенный большевик прапорщик Карахан.

Одна из дивизий корпуса была украинизирована целиком, до начальника дивизии и штаба включительно. В другой только некоторые части были окончательно украинизированы, а другие не вполне; начальник дивизии и штаб были русские. При украинизированной дивизии сосредоточилась и корпусная рада, а при неукраинском штабе другой дивизии — корпусный комитет. В момент моего прибытия шла как раз чрезвычайно обострившаяся борьба между корпусной радой и комитетом. Последний на основании приказа о дезукраинизации пропагандировал в частях роспуск рад и сдачу всего имущества в руки неукраинских элементов. Рады, опираясь на приказ Петлюры, отстаивали свое фактическое положение и даже требовали уничтожения комитетов, как представителей меньшинства, и передачи неукраинских остатков частей корпуса в украинские руки для окончательной украинизации. Если принять во внимание бессилие строевого начальства в отношении введенных временным правительством комитетских (радянских) организаций и полное нежелание корпусного большевистского комитета считаться с тем, что, как никак, корпус находился на фронте и должен был нести боевую службу, легко себе представить, что должен был чувствовать командир корпуса и его штаб.

Попытки генерала Нотбека примирить обе враждующие стороны не привели ни к каким результатам, так как украинская сторона не доверяла ему, обвиняя его в содействии дезукраинизации корпуса; фактически этого совершенно не было, но начальник украинизированной дивизии мечтал сделаться командиром украинизированного корпуса и под рукой интриговал против своего командира корпуса и настраивал против него украинизированные части, а комитеты, будучи большевистскими, принципиально подчеркивали свое игнорирование всяких начальств. Болезнь командира корпуса лишила его возможности продолжать и эти попытки, в временный его заместитель, инспектор артиллерии корпуса, человек старого закала и очень прямой и резкий в

обращении, уже абсолютно не мог претендовать на авторитет в глазах борющихся организаций.

На мою долю выпала задача так или иначе создать внутренний порядок в корпусе и более или менее сохранить его боеспособность. В отношении меня большим плюсом было то, что я явился абсолютно новым человеком, не скомпрометированным ни содействием, ни противодействием украинизации и дезукраинизации. Исходя из начал здравого смысла, мне представлялось совершенно ясным, что операция дезукраинизации частей, где личный состав украинцев был от ста до пятидесяти процентов, при той слабости командного элемента, которая в это время уже вполне ясно определилась, в лучшем случае могла лишь заставить корпус бросить фронт, побить неукраинские малочисленные элементы и отправиться в Киев к Петлюре. Кроме того, корпусная рада была абсолютно враждебна большевикам и верна боевым традициям корпуса. Наконец, нравственное право было на стороне рады, так как фактически корпус был сделан украинским самим начальством и в момент, когда в Киеве временное правительство допустило существование местной украинской власти, нельзя было украинцам на фронте приказать объявить себя не украинцами.

В силу этого я в основание внутреннего порядка корпуса положил признание status quo данного момента. Командир корпуса согласился донести в армию, что такое положение неизбежно и не может быть изменено без опасности для фронта. Корпус оставался украинским, и голове рады предоставлено было право сноситься с Киевом, но не вмешиваться в боевые распоряжения штаба. Этот modus был принят.

Оставалось убедить голову рады, Петра Трохименко, человека крайне горячего, в необходимости для пользы дела признания права существования комитетов для неукраинских частей корпуса и создать, так сказать, демаркационную линию между обоими организациями. Здесь потребовалась очень упорная и долгая работа, но в конце концов, главным образом, путем личных собеседований втроем (я, Трохименко и Карахан) удалось установить вооруженное перемирие. Лишь подавляющее превосходство в численности украинских элементов заставило большевиков, скрепя сердце, считаться с ними.

Эта работа явилась первым моим соприкосновением с украинским вопросом, о котором до того я никогда серьезно не думал, хотя с детства уже сталкивался с ним, выросши в семье, где спокон веку хранились традиции о приверженности нашего рода к старой Украине. Но я воспитывался в Москве, жил в условиях петербургской службы и, должен откровенно признаться, абсолютно не интересовался и не занимался украинским вопросом. Столкнувшись с ним в корпусе, я пре-

жде всего совершенно ясно увидел с первых же впечатлений, что это чрезвычайно активная сила для борьбы с большевизмом, который после августовских событий около Петрограда давал себе день ото дня все больше чувствовать и готовился уже к окончательному захвату государственной власти. Я принял все меры, чтобы ближе сойтись с корпусной радой и ближе изучить украинский вопрос. Не могу спокойно сказать, что и в отношении комитетов я сохранил полную лояльность. Факт единственный в своем роде: отправляясь неоднократно по вызову в штаб армии (Староконстантинов) для решения разных принципиальных вопросов в собрании представителей командования и комитетов, я получил право подавать голос и за раду, и за комитет, кроме своего голоса, как представителя командной части; и это наделение меня двумя голосами от организаций корпуса было абсолютно бесконтрольно и ни разу не вызвало недоразумений с этими организациями, хотя, конечно, все мои три голоса иногда приходилось подавать в совершенно различном направлении, исходя из мандатов. В армии это производило большой эффект, особенно на комиссаров других корпусов, которые никак не могли переварить, что штабной генерал имеет такие мандаты и не злоупотребляет ими.

За полтора месяца работы в штабе я совершенно сработался с радой и, не лежи мое сердце так против большевиков, мог бы, конечно, сработаться и с комитетами, а не оставаться в отношении их пассивно лояльным, как я делал. Между тем, В.В.Нотбек получил первую армию и, так как он работал со мной большую часть войны (в 1-й Гвардейской пехотной дивизии), то решил перетянуть меня в штаб своей армии. Он предложил мне должность генерал-квартирмейстера армии, и я согласился на это. Переписка о назначении затянулась, и я получил приказ 20-го или 21-го октября. Между тем, перед этим только что произошел большевистский переворот, и первая армия стояла на Двинском фронте, то есть в сердце большевизма. Я выехал из штаба корпуса к месту нового назначения, еще не зная о перевороте. Я должен был быть в Киеве по делам корпуса, где и узнал о положении дел в Петрограде и оказался на распутье: можно было или ехать дальше, или бросить службу и уехать к семье, или, наконец, остаться на украинской службе. Внутренне я несколько колебался, по старой привычке к военным порядкам, не исполнить приказа о назначении и не явиться в первую армию. Но в Киеве я столько узнал о распорядках, заводимых тов. Крыленко, что приравнивать к военной службе эту службу было абсолютно невозможно. Наконец, один факт окончательно оборвал все мои сомнения. Имея необходимость по делам корпуса переговорить с Петлюрой, я отправился в военный секретариат (Гимназическая, 5). Там я

прежде всего был направлен к полк. Скрипчинскому, исполнявшему при Петлюре обязанности, аналогичные обязанностям дежурного генерала штаба. Скрипчинский сообщил мне, что у него только что была делегация от 6-го корпуса, которая поручила ему передать Петлюре, что украинцы 6-го корпуса категорически требуют от своего военного министра оставления меня на украинской службе. Оказалось, что корпусная рада немедленно по отъезде моем из корпуса командировала в Киев специальную депутацию, не сказав мне об этом ни слова. Это меня так тронуло, что я не мог не высказать этого Скрипчинскому, хотя и видел его в первый раз в жизни. П.В.Скрипчинский со своей стороны отнесся ко мне необычайно приветливо, говоря, что рекомендация "громадских кол" (общественных кругов) является достаточным основанием для меня быть совершенно уверенным, что правящие лица охотно предложат мне служит на Украине. Все это окончательно прекратило мои колебания, и я принял решение поступить на украинскую службу. В штаб первой армии я послал телеграмму о том, что к месту службы прибыть не могу.

Переговорив с П.В.Скрипчинским, я узнал, что Петлюра на несколько дней выехал из Киева и раньше, чем через 5-6 дней видеть его не удастся. Тогда я решил проехать к своей семье, так как с водворением большевиков у власти необходимо было устроить личные дела, а к сроку, указанному Скрипчинским, приехать в Киев (от Курска, близ которого жила в имении моя семья, до Киева 8-9 часов пути). 18-го ноября я уехал из Киева. Скрипчинский обещал мне в случае более раннего возвращения Петлюры в Киев — протелеграфировать.

Не получив телеграммы, я дождался условленного срока и 23-го ноября выехал в Киев. Утром на следующий день я отправился к Скрипчинскому. От него я узнал, что в этот день командующий войсками округа подп[олковник] Павленко делает осмотр гарнизону Киева и что на этом смотру будет и Петлюра, где лучше всего и попытаться с ним увидеться и условиться о приеме. Меня несколько удивил такой необычайный поворот дела, но я согласился сам устраивать себе прием, полагая, что в том новом мире, в который бросила меня судьба, прежде всего ничему не надо удивляться.

С Гимназической улицы я отправился к месту смотра на Крещатик. Вся Фундуклеевская была загромождена кавалерией, и я с удовольствием мог убедиться, что она в очень недурном состоянии. Впоследствии я узнал, что мне пришлось видеть здесь так называемый полк "Вильной Украины" — часть, действительно подобранную очень недурно и сохранившуюся до самого занятия Киева большевиками.

На Крещатике был страшный сумбур. Вдоль улицы проходила пехота и кому-то отвечали, но где был этот кто-то, мне так и не удалось найти, так как пересечь улицу было невозможно. Я уже отчаялся в своем предприятии, когда внезапно около протиснулся большой автомобиль-карета и в публике заговорили, что это Петлюра. Так как автомобиль остановился недалеко, то я немедленно направился к нему, но был резко осажен каким-то субъектом в шапке с большим красным шлыком. Я объяснил ему, кто я и что мне нужно, и просил доложить Петлюре. Субъект (впоследствии я хорошо узнал его, так как это был так называемый "полковник" Чеботарев) просунулся в автомобиль и через минуту сообщил мне, что "пан атаман" просит меня в 4 часа на Гимназическую улицу. Самого Петлюру я так и не видел, потому что он остался в автомобиле, я же, не желая долее толкаться у этого последнего, ушел с места парада. О состоянии пехоты, виденной на параде, судить было трудно, так как она шла узким фронтом и довольно беспорядочно. Во всяком случае, было впечатление, что ее довольно много и что начальство свое она признает, так как люди заметно подтягивались, подходя к месту, где кто-то невидимый для меня их приветствовал.

Около 4-х часов я явился на Гимназическую. Но, видимо, в этот день мне суждено было лишь дальше ознакомиться с порядками военного секретариата, но Петлюру видеть не было суждено. Не только Петлюры, но и Скрипчинского в секретариате не оказалось, и до 5 часов не появился ни тот, ни другой. Тогда я изловил какого-то поручика (это оказался Саенко, впоследствии мой адъютант) и просил его разведать у каких-либо властей предержащих, что же мне предпринимать дальше. Около 6 часов Саенко, наконец, сообщил мне, что, если я хочу, я могу видеться с помощником Петлюры полк[овником] Жуковским и начальником генерального штаба генералом Бобровским, а других высших чинов в секретариате в данное время нет и, вероятно, сегодня не будет. Признаюсь, я немного пожалел, что поторопился донести в первую армию о неприбытии, так как украинские порядки с места не предвещали много хорошего. Во всяком случае, я согласился видеться с обоими названными мне лицами.

Полковник Жуковский, в форме пограничной стражи, принял меня крайне резко и недружелюбно и, хотя я и сослался на депутацию 6-го корпуса, полагая, что и ему от Скрипчинского об этом должно быть известно, но он отнесся к этому довольно безразлично. В общем, его ответ был такого смысла, что "много-де вас тут шляется генералов, но мы вам не верим и к себе не берем". Я был глубоко поражен и обижен этим ответом и еще раз подчеркнул, что сами украинцы меня зва-

ли служить здесь, а вовсе не я навязываю свою особу. Расстались мы на том, что завтра, 8-го декабря, в 9 часов утра он устроит мне прием "атаманом" Петлюрой.

Генерал Бобровский оказался действительно генералом ген. штаба и притом крайне деликатным и доброжелательным. Мы разговорились с ним по товарищески, и он несколько, хотя и крайне осторожно, охарактеризовал мне первичный хаос, царящий в секретариате. Оказывается, здесь всякий действовал в свою голову без всякой правильной организации работы, подчиненности и докладов. Петлюра больше всего предавался приемам разных депутаций и занятиям в раде министров и в центральной раде. Жуковский, человек, по словам Бобровского, порядочный, но крайне нервный и невоспитанный, замещал Петлюру в приеме бесчисленных посетителей, которые являлись бичом Божиим для секретариата, такое их было количество. Второй помощник Петлюры, Кедровский, ведал политической частью, а он, ген. Бобровский, вместе со своими помощниками, подп[олковниками] Кольчевским и Сливинским, пытался организовать генеральный штаб. По мнению Бобровского, войска украинские были недурны, но нуждались в твердом руководстве. Для меня эти новые лучи в темное для меня царство украинских правительственных распорядков были очень ценны. Разъяснения генерала примирили меня и с Жуковским; у человека, видимо, действительно глаза на лоб лезли от переизбытка предлагающих свои услуги.

На другой день к назначенному времени я пришел в секретариат. Петлюра был уже там, и уже знакомый мне Саенко сообщил, что он примет меня вслед за той депутацией от какого-то полка с фронта, которая уже сидела у него. Я мог убедиться воочию в порядочности Жуковского, несмотря на его свирепость.

Должен признаться, что в ожидании приема я чрезвычайно волновался, хотя предыдущая моя служба и приучила меня ко всяким приемам, до Высочайшего включительно. В 6-м корпусе Петлюра был популярен, как борец за украинскую идею. По его телеграммам голове рады, а впоследствии и самому командиру корпуса, я мог судить, что это человек, идущий на самые смелые и решительные меры. Он рисовался мне, как новый, незнакомый мне тип революционного трибуна и борца за народ, выдвинутого самим народом. Для человека старой военной школы и чисто военного прошлого соприкосновение с таким деятелем являлось вещью совершенно необычной.

Мне пришлось ожидать около двух часов, пока выговорилась депутация, и меня, наконец, пригласили к Петлюре. Человек лет сорока, с длинными волосами типа прически либеральных студентов доб-

рого старого времени, в дурно сидевшем на нем форменном френче — принял меня официально и холодно-вежливо. В комнате было еще пять или шесть человек разного возраста, которые, не стесняясь присутствием «атамана» курили и громко беседовали между собой.

Петлюра беседовал со мной около пяти минут, расспросив прохождение службы и сообщив, что у него была по поводу меня депутация 6-го корпуса и что он считает своим долгом считаться с «громадской опинией» (общественным мнением) и постарается найти мне подходящую должность. В данное время таковой он не имеет, но как только она окажется, он меня известит. Мы сухо распрощались, и я отправился к Скрипчинскому.

Во время разговора моего с Петлюрой мне бросился в глаза крайне утомленный вид его и, особенно, водянисто-голубоватые глаза, выражение которых никак нельзя было уловить, они были какие-то остановившиеся в выражении и в то же время суетливо бегающие; при разговоре Петлюра не имел, видимо, обычая смотреть в лицо собеседнику, а все время обегал глазами комнату и своих сотоварищей, продолжавших бесцеремонно беседовать, как бы подчеркивая свое презрение к «просителю-генералу».

Милейший и добродушнейший П.В.Скрипчинский поспешил меня всячески успокоить, уверяя, что вопрос о моем назначении — дело ближайших дней, что он не даст Петлюре забыть свое обещание и что я должен наведаться через несколько дней за ответом. Так как мои личные дела не были закончены, я условился со Скрипчинским, что он немедленно вызовет меня телеграммой, когда это понадобится; а я тем временем снова поеду к себе в Курск. В тот же день я уехал из Киева. Прождав около полутора недель телеграммы из Киева и упорно не получая ее, я решил, наконец, снова ехать в Киев, тем более, что свои дела дома я уже закончил. 6-го декабря 1917 г. я выехал из своего деревенского дома, который мне уже больше не суждено было никогда увидеть, и на следующий день утром был в Киеве.

Отправившись в секретариат по старому адресу, я узнал, что он перешел в новое помещение на Фундуклеевскую, в коллегию Павла Галагана.

(Примечание дочери автора — Е.А.Грековой.

На этой последней фразе манускрипт прекращается. Неизвестно, говорил ли генерал Греков в этот день опять с Петлюрой или только с одним из его помощников; во всяком случае, он был направлен к командующему Киевским военным округом Шинкарю, который с

согласия Петлюры предложил ему должность начальника штаба округа, с чего и началась его служба на Украине).

А.П.Греков

ПЕРЕГОВОРЫ УКРАИНСКОЙ ДИРЕКТОРИИ С ФРАНЦУЗСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ В ОДЕССЕ В 1919 ГОДУ (1918 и 1919 гг. на Украине)

Для будущей истории Всероссийской Революции, одним из своеобразных моментов которой является украинское самостийническое движение, необычайно интересным и характерным, полным самых ярких и типических бытовых красок эпизодом является эпопея переговоров украинской директории с представителями французского командования в Одессе в 1919 г. Собственно дипломатической работы в этих переговорах вовсе не было, и интерес их не в этой стороне вопроса. Их интерес в той картине состояния и государственного удельного веса правящих самостийнических кругов Украины, которая так красочно вырисовалась помимо всякой воли самих деятелей. Их интерес, далее, в том отношении к русскому вопросу в полном его объеме со стороны бывших союзников России, которое ясно почувствовалось во время попыток развить и поставить на реальную почву эти переговоры. Самостийнические круги успешнее, чем это могли бы сделать самые злейшие их враги, выявили в этот период полное свое ничтожество в смысле державных горизонтов и силы в своей стране. Представители бывших союзников России, храня традиционную верность этому своему бывшему союзнику, не оценили колоссальные потенциальные выгоды слабости самостийнического движения для дела воссоздания России. Относясь абсолютно отрицательно ко всякой идее дробления России, они не учли, что противопоставлением идее большевизма идеи украинского националиста, временно подогретого до максимальной, даже абсурдной степени своего напряжения, можно было отстоять от большевистской заразы наиболее здоровую физически и экономически крупную часть России, именуемую Украиной, не опасаясь в то же время, что из украинского национализма проистечет гибель общерусской идеи, так как самостийническое движение, как только что было сказано, явно до очевидности обнаружило свое ничтожество и по минование в нем надобности безболезненно могло бы быть выведено в тираж погашения. Это так было ясно тогда и так повелительно просилось быть испробованным в жизни. К сожалению, этот опыт не встретил

доверия и сочувствия к себе со стороны представителей Франции в Одессе.

Для того, чтобы картина момента была ясна во всех своих деталях, необходимо проследить важнейшие этапы украинского революционного движения с самых первых его дней.

Нарушение правительством Императорской России основ Переяславского договора 1654 года, на основах которого Украина соединилась с Москвой (в особенности введение исторически неведомого Украине крепостного права, массовая раздача земель фаворитам и русским помещикам, преследование народного языка и пр.), уже со времен Петра Великого зародило на Украине противоцарское революционное настроение. Правда, широкие народные круги после освободительной реформы 19-го февраля 1861 года не выявляли никакой революционности и наклонности к сепаратизму, но интеллигенция насквозь пропитана была этими тенденциями. Неудачная политика Петербургской бюрократии только подогревала и усиливала революционно-сепаратистические течения на Украине. В последние десятилетия перед войной этому же способствовало созданное германо-австрийскими руками так называемое «Мазепинство».

В общем, к моменту падения монархии в феврале 1917 года украинская интеллигенция была сплошь враждебна Императорскому режиму. Слабость «временного правительства», бешеная пропаганда на немецкие деньги отпадения от России различных ее частей для скорейшей ликвидации всего русского фронта и стремление случайно вынесенных революционной волной на верхи отдельных людей и групп удержать и возможно шире использовать доставшееся им положение — уже летом 1917 года создали на Украине вполне определенное самостийническо-сепаратистское течение. Народные массы это течение не затронуло. Село было поглощено земельным вопросом и решало его явочным порядком, не считаясь ни с какими правительствами. Городское рабочее и мелко-ремесленное население, в подавляющем своем большинстве не украинское по происхождению (русские и отчасти евреи), самостийностью Украины не только не интересовались, но относились к ней прямо враждебно (рабочие Киевского арсенала, Екатеринославского горного района, Одесского порта и т.д. не раз открыто и активно выступали против самостийной Украины). Самостийническая идея прочно обосновалась лишь в кругах центральной рады и примыкающих к ней интеллигентских и полуинтеллигентских групп (сельские учителя, низшее духовенство, мелкие кооператоры и т.п.). Являясь по сущности своей случайным сборищем никем не выбранных и не уполномоченных безответственных лиц, правительство центральной

рады тем не менее обнаружило дерзание и смелость более определенные и настойчивые, чем временное правительство, и только благодаря этому дерзанию Винниченко преуспел в Петрограде в получении от временного правительства целого ряда уступок идее самостийной Украины, а Петлюра с налету вырвал у "ставки" не менее крупные уступки той же идее со стороны Верховного Командования. А между тем правительство центральной рады повелевало только интеллигентским и полуинтеллигентским Киевом и в других городах и селах не имело никаких своих органов. Украинизированные полки фронта охотно признавали авторитет Петлюры лишь в вопросах ухода с фронта на родину, но не в противоположном смысле.

Идея украинизации фронта возникла в кругах Высшего Командования в связи с разложением войск на фронте. Пользуясь высокими боевыми качествами украинцев, юго-западный фронт по плану ген[ерала] Гутора сосредоточил в определенны войсковые единицы исключительно уроженцев Украины и поставил их вдоль территориальной границы Украины. С развитием идеи самостийности в Киеве Ставка испугалась возможных результатов украинизации, и в сентябре 1917 г. объявлен был приказ о дезукраинизации ряда корпусов. Но провести эту меру в жизнь ставка уже не имела силы и сыграла своим приказом лишь в руку Петлюре, ловко использовавшему непопулярный среди украинцев приказ для поднятия своего авторитета и окончательной дискредитации авторитета Ставки.

Состоя в это время начальником штаба украинской и других организаций шестой армии, я был непосредственным очевидцем всех деталей этой плачевной картины. На территории страны украинских республиканских войск не было, не считая кучек готовых на все дезертиров и авантюристов, составивших киевскую гвардию центральной рады, так называемую «Сердюцкую дивизию» Капкана. Необычайно характерно для радянских республиканцев наименование первого своего войска именем "Сердюков" — бывшей гетманской гвардии старой Украины, между прочим, крайне непопулярной в свое время в народных массах.

Эта «Сердюцкая дивизия» прославила себя в последующие осенние и зимние месяцы феноменальной трусостью и грабительско-разбойничьими подвигами и была расформирована приказом командующего войсками киевского округа Шинкаря в конце 1917 года. Начальник дивизии Капкан, именовавший себя полковником и носивший на рукаве отметки, по крайней мере, десяти, если не более, ранений, был, в действительности, обер-офицером пулеметной команды и это дело понимал недурно, но для командования не только дивизией, но и

батальоном был абсолютно не подготовлен, как мне пришлось в этом убедиться по принятии штаба киевского военного округа и штаба войск, ведших вооруженную борьбу против большевиков. Начальником штаба Сердюцкой дивизии был поручик Хилобоченко, офицер обозного батальона, не только со службой генерального штаба, но и вообще со службой полевых войск весьма мало знакомый.

Крайняя нерешительность и слабость Временного правительства и Ставки с одной стороны и агрессивная предприимчивость центральной рады и правительства с другой — быстрыми шагами подвигали вперед самостийнические начинания, хотя открыто пока об объявлении самостийности в Киеве не дерзали говорить. Потрясения периода Корниловского движения и выступление на сцену группы Ленина дали центральной раде возможность фактически почувствовать себя абсолютно независимой от Петрограда, и сумей она в этот момент привлечь к себе народ и организовать вооруженную силу, она создала бы самостийную Украину, тем более, что и со стороны международных кругов можно было добиться сочувствия этой идее (миссия ген[ерала] Табуи в Киеве в конце 1917 года). Большевистский переворот в России и непризнание власти большевиков центральной радой явились новыми данными, необычайно выгодными для самостийнических тенденций. Весь вопрос был во внутренней консолидации Украины, и на это-то у новоявленных правителей Украины не хватило ни воли, ни знания,ни энергии. Правда, обстановка была очень трудна. Вся территория Украины буквально залита была морем серых шапок, стихийно и хаотически текущих с фронта по домам. Сельское население относилось абсолютно безучастно к самостийническим начинаниям, но не обнаруживало и враждебности к ним. Городской пролетариат явно тяготел к большевикам.

Но захват власти большевиками, разгром ставки, зверское убийство ген. Духонина создали в солдатской массе украинцев такую враждебность к большевикам, что набрать и организовать воинские части из добровольно идущих в войска весьма недурных боевых элементов не было никакого труда. Формируя в это время Киевский гарнизон, я знаю это по личному опыту.

Но, к сожалению, и центральная рада, и военный министр ее Петлюра вели в этом отношении свою линию. Профессор Грушевский, голова рады, вообще смотрел презрительно-отрицательно на военную специальность и не придавал значения военным вопросам, что, впрочем, не помешало ему с восторгом парадировать, в качестве представителя верховной власти, на церемонии вручения знамени полку гетмана Сагайдачного формируемой мною дивизии, со всей пышнос-

тью ритуала бывшего доброго старого царского времени, столь им ненавидимого в теории.

Партии эс-эр и эс-де, главенствовавшие в раде, не верили бывшим царским офицерам и солдатам.

Наконец, Петлюра мечтал о создании своих собственных Петлюровских войск, признающих только его, и под рукой проводил уже в жизнь это начинание.

Благодаря этому к началу 1918 года, когда со стороны большевиков впервые обнаружились агрессивные тенденции в отношении Украины, эта последняя была совершенно без войск, без народного правительства и без всякой внутренней организации и местного правящего аппарата, хотя бы в самой элементарной форме.

Тогда начались конвульсивные организационные начинания центральной рады, поразительно мало талантливые и хаотичные. Объявлен был знаменитый "универсал о земле", превзошедший абсурдностью самих большевиков. Этим надеялись предупредить предполагаемые симпатии крестьянства к большевикам (блестящее доказательство полного незнания своего народа оторванной от него группы и даже боязнь его со стороны центральной рады) и привлечь его к себе. Но земельный вопрос к этому моменту крестьяне фактически уже порешили сами и "универсалом" совершенно не заинтересовались. Пропасть между народом и властью не заполнилась.

Объявлен был ряд формирований войсковых частей по принципу частной инициативы отдельных лиц, но за это дело немедленно принялись прикосновенные к раде всевозможные авантюристы, только извлекавшие из казны громадные денежные суммы и обращавшие их на свои личные дела. К этому моменту относится начало формирования галицийских так называемых "сичевых" частей из пленных австрийцев, уроженцев Галиции, так дорого впоследствии обошедшихся Украине.

Весь конец 1917 года приемная Петлюры в коллегии Павла Галагана на Фундуклеевской улице была буквально наводнена генералами и офицерами бывшей русской армии, часто с весьма почетными боевыми именами, предлагавшими свои услуги правительству Украины, и все это безжалостно браковалось и изгонялось по априорному подозрению в старорежимных симпатиях, за неукраинское происхождение, просто по старой враждебности подпольной революционной интеллигенции к военному элементу. В результате в критический момент военными руководителями украинских формирований оказались прапорщики и унтер-офицеры и при том в массе своей крайне низкого морального уровня и, конечно, без всяких специальных данных и зна-

ний. Формирования из бывших солдат русской армии распускались без колебаний за предполагаемую недостаточную национально-революционную патриотичность (а между тем такие формирования удалось было уже создать в довольно значительном числе, и они ни разу ничем реальным не скомпрометировали себя), и подбирался подходящий под стать новым начальникам революционный сброд.

Петлюра, считавший себя прирожденно-военным, хотя был по специальности своей банковским чиновником, все время вмешивался в формирование и в операции фронта; рада требовала, чтобы чисто боевые вопросы ставились на предварительное обсуждение партии и ее головы Грушевского и решались отнюдь не на товарищеском военном собрании, а по политическим надобностям. Наконец, под давлением партии эс-эр Петлюра удален был в отставку и немедленно открыто приступил к формированию собственного так называемого гайдамацкого "коша" (дивизии) с артиллерией. Гайдамаками назывались в старой Украине повстанческие крестьянские банды, боровшиеся, не останавливаясь ни перед какими жестокостями, против засилья польских помещиков.

На место Петлюры поставлен был определенный и откровенный германофил по убеждению Порш. Объявлена была независимость Украинской республики от России, но внутри республика так и осталась абсолютно неорганизованной, и Киев жил отдельной от всей страны жизнью. Поехали послы центральной рады в Брест. Проф. Грушевский, в это время открыто записавшийся в партию эс-эр, хотя и был крупным киевским домовладельцем, Винниченко и Порш — виднейшие и активнейшие члены партии эс-дэ — всегда держались германофильской ориентации, и лишь традиционная непопулярность немцев среди солдат фронта помешала им еще раньше открыто перейти к практическому приложению своей идеи. Когда все остатки фронтовых войсковых организаций были разрушены, они, наконец, осмелились прямо перейти на свою подлинную линию.

В итоге германские оккупационные войска вошли в февраль-марте 1918 года в совершенно неорганизованную в государственном отношении и безоружную Украину. Остатки частно-инициативных формирований в виде бригады Болбочана, крайне слабого состава и гайдамаков Петлюры за войска трудно было считать. Так называемая "синяя дивизия" (по цвету одежды), сформированная немцами из украинцев военнопленных, "для связи" и без санкции которого генерал не делал ни одного шага. Только благодаря этому своему фактическому бессилью и отсутствию связи с народом центральная рада и была

так грубо и абсолютно ликвидирована германским командованием в мае 1918 г. (немцы ее попросту разогнали).

Правда, с марта месяца по день переворота Скоропадского военным министерством физически была вынесена колоссальная организационная работа, но она силой вещей носила лишь подготовительный характер, и как раз на май месяц намечен был первый обязательный призыв контингентов в войска. Организовано было с самой первоначальной своей основы само министерство со всеми его отделами; при Петлюре и Порше эта организация совершенно не существовала, и в центральном военном управлении царствовал полный хаос. Созданы были местные органы не только для военных целей, но временно и для целей элементарного общегосударственного местного управления (губернские и уездные коменданты), так как министерство внутренних дел все еще никак не могло собраться с силами установить местные правительственные учреждения, а между тем предстоящий набор императивно требовал наличия на местах органов правительственной власти. Наконец, были организованы на местах кадры восьми корпусов из остатков командного и унтер-офицерского состава бывшей русской армии (командиру корпуса подчинялись все вышеуказанные коменданты корпусного района). Конечно, кадры не были украинские патриоты в духе деятелей центральной рады, но по тогдашнему времени и обстановке это был прекрасный военный материал, в умелых руках по укомплектовании своем рекрутами могший представить собой внушительную силу.

Как помощник военного министра, на котором лежала вся чисто военная техническая работа министерства (военный министр Жуковский взял на себя политическую часть и участие в заседаниях центральной рады и ее комиссий и в мою работу абсолютно и вполне корректно не вмешивался), я могу по личному знакомству с вопросом утверждать только что сказанное о корпусных кадрах и одновременно могу с глубочайшим удовлетворением вспомнить тот порыв, с которым принялись за организационную работу все отделы вновь созданного министерства. Особенно много сделал в этот период помощник начальника генерального штаба полковник Какурин (начальником генштаба был, по рекомендации партии эс-эр, принадлежащий к военному министерству Жуковского подполковник Сливнский, заурядный мелкий офицер генштаба с большими наклонностями к мании величия и интриганству) и начальник личного отдела (личный командный состав войск) главн. штаба подполковник Удовиченко. Начальником главного штаба был ген[ерал] Осецкий, но фактически все доклады мне и в военном

совете готовил и делал подп[олковник] Удовиченко в присутствии и при молчаливом сочувствии ген[ерала] Осецкого.

К несчастью для дела германское командование, первоначально мало интересовавшееся работами военного министерства, в апреле вдруг обратило на них свое внимание. Ко мне в министерство прибыл полк[овник] фон Штолценберг и потребовал данных об организации будущей украинской армии. Я направил его к военному министру, не считая возможным давать ему требуемые сведения. В результате очень резкого по форме отказа, последовавшего и со стороны подполковника Жуковского, этот последний был арестован и все организационные планы взяты при обыске кабинета военного министра. Через несколько дней вслед за этим произошел переворот Скоропадского, и все дело формирования украинской армии немедленно было остановлено; намеченный мною на май призыв новобранцев был первоначально отсрочен до августа, чтобы не мешать полевым работам, а затем до декабря и в конце концов так и не состоялся вовсе. По счастью, собранные уже кадры корпусов и центральный аппарат министерства не были уничтожены и в том же виде, в каком были при перевороте, дожили до падения Скоропадского и изгнания германских оккупационных войск.

Период Скоропадского внес на Украину совершенно новое для нее явление: он вывел на активную и революционную арену сельскую массу, всколыхнул ее до самой глубины и заставил задуматься над революционными событиями, которые пока шли мимо нее, заинтересовав ее лишь земельными делами. Нелепая и жестокая аграрная политика германо-гетманского режима вызвала к жизни ряд активных вооруженных выступлений крестьянства и подготовила поголовное восстание его в декабре 1918 г., закончившееся очищением Украины от оккупационных германских войск.

Находясь в то время в качестве опального генерала не у дел и состоя выборным головой украинского военного товарищества «Батьківщина» («Родина»), в котором объединились все патриотические украинские военные элементы, не пожелавшие остаться на службе у Скоропадского и немцев, я имел возможность лично познакомиться почти со всеми будущими атаманами повстанческих войск. Не говоря уже о Шинкаре, с которым я служил в штабе Киевского округа, будучи начальником этого штаба, когда Шинкарь был командующим войсками, я получил возможность хорошо узнать Павловского, Ангела, Зеленого, Тимченко, Божко, Минякевича, Биденко и многих других. В большинстве это были отчаянные головы из местных крестьян разных районов Украины, хорошо знакомые населению на местах и потому легко приобретавшие популярность и доверие к себе сельских масс,

явные демократы, но противники большевизма. Конечно, это были почти сплошь авантюристы, но в то же время это были крестьянские патриоты, если можно их так охарактеризовать; все они были членами «Батьківщини». Режим Скоропадского создал далее в крестьянских массах вполне определенную ненависть к оккупационным войскам, чьи бы они не были, так как крестьянство не способно было разбираться в иностранцах и считалось лишь самим фактом оккупации.

Этот режим впервые объединил до сего времени жестоко враждовавшие между собой украинские политические группы (партиями в европейском смысле их нельзя было назвать, так как это были лишь зачаточные организации городской интеллигенции и полуинтеллигенции, не коснувшиеся основных масс). Правда, объединение было непрочно и несколько раз распадалось, но по мере ослабления гетманского режима оно вновь консолидировалось и образовало, в конце концов, так называемый украинский национальный союз, выдвинувший впоследствии из своей среды пресловутую директорию. Наконец, Скоропадский дал возможность вновь сорганизоваться галицийским «сичевым» частям, которые затем сыграли такую видную роль в период директории на Украине.

К моменту объявления Директории общее положение вещей на Украине было таково: Скоропадский по возвращении своем из Берлина окончательно стал на Всероссийскую линию своей формулы и энергично формировал офицерские отряды Астраханской, Южной и Северной армий. Постепенно он все более и более подпадал под влияние русских реакционеров и в конце концов окончательно подчинился гр. Келлеру, хотя и гр. Бергом, заместитель бар. Мума, также не оставлял его своими советами. Во внутренней политике министр внутренних дел Кистяковский настойчиво проводил режим терроризации сельского населения и диктаторского хозяйничанья по губерниям старост — без определенного закона и независимо от административного суда.

Немцы, начавшие нести грозные неудачи на западном своем фронте, принимали все более и более пассивную роль молчаливых свидетелей происходящего на Украине и сокращали число своих оккупационных войск. Ширящаяся волна восстаний также вынуждала их к большей и большей скромности.

Украинское крестьянство уже летом начало крайне активно выступать против гетмана и немцев. В ответ на восстановление старых земельных распорядков и жестокие расправы карательных отрядов с не подчиняющимися крестьянами, на Звенигородщине сорганизовался постоянный повстанческий центр во главе с Шинкарем и Павловским, силой не менее 70-80 тысяч человек. В течение целых месяцев гетман

и немцы вели борьбу с этим центром и, наконец, двинули против него большие немецкие силы (более дивизии). Повстанцы были почти окружены, но пробились к Днепру, перешли его у Переяславля и ушли на Черниговщину, где соединились с повстанцами Ангела (их считали 15-20 тысяч) и продолжали борьбу с гетманским, немецким режимом до самого его конца.

Под Киевом тайно проведена была повстанческая организация Зеленого, и в конце лета она также постепенно начала давать себя чувствовать постоянными выступлениями в Переяславском районе. В Конотопе действовал Тимченко (10-15 тысяч), а около Переяславля и Староконстантинова сорганизовался отряд Биденко (1-12 тысяч). Все эти отряды вынуждали немцев к постоянному напряжению и разброске и причиняли им постоянное беспокойство и серьезный урон, поддерживая в крестьянстве повстанческий дух. Вся сельская Украина начала готовиться к поголовному открытому восстанию.

Украинские правительственные войска в это время состояли из упомянутых выше кадров, восьми корпусов, расположенных во всех губернских городах, из так называемого корпуса Болбочана (фактически по составу это была дивизия), из формируемой в Белой Церкви галицийской сичевой дивизии и так называемой дивизии сердюков, формируемой в Киеве под руководством гетманских офицеров (формирование ее шло крайне медленно и далеко не было еще окончено) и различных офицерских отрядов из офицеров не украинцев, предназначавшихся для предполагаемого похода на Москву. К половине ноября по всей Украине начались непрерывные стихийные вспышки крестьянского восстания.

Уловив совершенно правильно выгодный момент, верно учтя обстановку и взяв на себя смелое решение по собственной инициативе, национальный союз 14 ноября сформировал из своей среды Директорию в составе пяти членов (о выборе их говорить не приходится, так как на заседании в украинском клубе, создавшем директорию, было очень мало присутствующих, кроме самих членов директории) и объявил открытую войну гетманскому правительству. В состав директории вошли представители всех четырех главных групп, составлявших национальный союз: Винниченко от партии с-д, Швец от партии с-р, Андриевский от партии самостийников, Андрей Макаренко от железнодорожных организаций. Пятым членом объявлен был Петлюра, только накануне освобожденный Скоропадским из Лукьяновской тюрьмы, бессмысленное заключение его в которую лишь создало ему популярность в партийных кругах, подорвавших его положение при Центральной раде, и окружило его ореолом мученика за идею. Директория не-

медленно выехала в Белую Церковь и стала под защиту признавших ее галицийских формирований, находившихся там. Немцы, которые могли в одно мгновение ликвидировать эти формирования и директорию, остались безучастными к нарождению на свет и к переходу галичан на ее сторону.

Началось систематическое ловкое пристраивание директории к крестьянскому движению и постепенное выдвижение себя на позицию руководителя его. Посыпались дождем широковещательные призывы Петлюры у восстанию, когда не только не было надобности в этих призывах, так как крестьянское население уже много раньше само организовалось и взялось за оружие, но и директория осмелилась появиться на свет лишь благодаря явной силе и успехам этого крестьянского движения, начатого по собственному почину и разуму. На Киевское направление немедленно поставлены были директорийские войска — галичане. Правда, войска эти шли в тылу крестьянской повстанческой организации Тимченко, но, войдя вслед за ней и на ее плечах в Киев, они тотчас прочно осели там, объявили себя хозяевами столицы и с торжеством ввезли туда Директорию 20 или 21 декабря 1918 г.

Между тем, народ по своему обыкновению делал дело, которое его интересовало: разоружал и изгонял из Украины немецкие оккупационные части и ликвидировал германскую администрацию; директорией народ абсолютно не интересовался и в простоте своей часто не ведал об ее существовании. Все действовавшие еще летом повстанческие отряды удваивались и утраивались в своей численности; создался целый ряд новых организаций во всех губерниях Украины, и вес они действовали в свою голову, по своему почину и по своему полному усмотрению. Закончив ту задачу, которую те или другие из них себе ставили, они мирно расходились по домам, никого не спрашивая о разрешении.

Директория мрачно смотрела на это исчезновение военных сил, удержать которые в своем распоряжении она имела в виду, но помешать стихийному крестьянству не сумела и не осмелилась. Она решила, во что бы то ни стало уловить в свои руки и удержать хоть часть крестьянских военных организаций. Болбочану на Левобережье и Оскилке на Волыни приказано было подчинить себе всеми мерами возможно больше местных крестьянских организаций. Но это крупных результатов не дало, и стать во главе народной армии не на бумаге, а на деле директории так и не удалось.

Тогда немедленно галицкая сичевая дивизия развернута была в корпус, пополнившись отчасти и не галичанами (как это ни странно, больше й частью из бывшей германской дивизии сердюков). Этот кор-

пус сделался основной опорой директории, но не на Украине, а лишь в Киеве; Зеленый, Ангел и другие не признавали ее и демонстративно шли в своих действиях наперекор ее велениям. Можно безошибочно сказать, что, явившись продуктом интеллигенции и полуинтеллигенции Киева, продуктом кругов, которые составляли и окружали Центральную раду, директория народу и, в частности, основной массе его — крестьянам — осталась совершенно чужда, а порой даже вовсе неведома. Только на кучке галицких наемников построилось все ее эфемерное властвование, очень скоро превратившееся в рабскую зависимость от тех же галичан.

Еще в октябре 1918 г. национальный союз упорно добивался от Скоропадского сформирования национального украинского министерства, на пост военного министра в котором союз выдвигал меня. Скоропадский на национальное министерство не согласился, но после долгих переговоров с головой союза Винниченко согласился назначить меня начальником главного штаба, от которого зависело укомплектование войск личным составом. Так как никаких украинских формирований, кроме сердюков, не подведомственных главному штабу, не предвиделось, то Скоропадский рисковал немногим, делая эту уступку союзу. По настоянию национального союза я в конце октября 1918 г. принял эту должность, но с объявлением директории покинул ее и выехал в Казатин, где и назначен был немедленно “наказным атаманом”, то есть главнокомандующим полевыми армиями. Находясь в Казатине в качестве наказного атамана войск украинской республики, я был непосредственным очевидцем первых деловых шагов директории и потому могу совершенно точно и с ответственностью за достоверность приводить данные, характеризующие этот период ее деятельности.

Главный состав директории — Винниченко, по профессии литератор, Швец, преподаватель теологии, и Андриевский, адвокат — находился в Виннице и непрерывно занимался бесконечными заседаниями для примирения пререканий и разногласий между партиями, абсолютно не приступая у организационной государственной работе, хотя гетманские власти изгонялись поголовно и надо было немедленно дать им замену организациями республики. При этом не было даже персонала для ведения элементарной канцелярии, не было сформировано никакого, хотя бы самого примитивного правительства. Жили в гостинице, много времени уделяли обеденным и ужинным часам и заседали, заседали без конца, рассуждая о партийных программах, платформах и разноречиях между ними.

Между партиями уже шла ожесточенная борьба из-за мест в кабинете, который еще и приблизительно не был намечен. За кулисами

чувствовалось начало тайной борьбы между Винниченко и Петлюрой; последний, преследуя по обыкновению свои цели, всячески старался рекламировать себя (а не директорию) в крестьянских повстанческих войсках, а Винниченко уже в половине декабря, еще до занятия галичанами Киева, выдвинул свой знаменитый проект о ненужности войск вообще для современной передовой демократической республики, серьезно потрясший даже большую часть его сторонников с-д. Цель проекта была в корне просто устранить возможную инициативу Петлюры.

Петлюра создал себе ставку в Казатине; с ним большей частью был и Андрей Макаренко, по профессии железнодорожный конторщик. Здесь в вагонах помещался штаб Петлюры, как "головного атамана" (верховного главнокомандующего), выделившего себя демонстративно от остальной, штатской директории; Петлюре по теории подчинялась вся территория Украины. Начальником его штаба был ген[ерал] Осецкий, знакомый мне уже по времени центральной рады. Я, в качестве главнокомандующего полевыми войсками, находился здесь же, но не имел ни штаба, ни прямого дела, ни определенного круга прав и обязанностей. Командовать было абсолютно нечем, так как крестьянские атаманы действовали в свою голову, совершенно не обращая внимания на приказы и воззвания Петлюры, они просто, как было сказано, гнали и разоружали немцев по всей Украине, так же гоня чиновников Скоропадского. Сичевая дивизия чувствовала себя тоже совершенно независимой и военной работы не несла никакой, предпочитая стоять во второй линии, считаясь лишь несколько с Петлюрой. Железнодорожные формирования, предпринятые Макаренкой и Осецким еще при гетмане (оба друга формировали корпус из состава служащих на железных дорогах) все еще продолжали формироваться и, поглотив колоссальные суммы денег, так окончательно никогда и не сформировались; командиром корпуса впоследствии назначен был галичанин Бень, кельнер по профессии и фельдшер австрийской службы. Кадры корпусов, сформированные мною еще при центральной раде, находились у штаба под подозрением и были игнорированы и к делу не привлечены.

Петлюра занят был сочинением воззваний, что всегда делал самолично, политическими интригами для утопления Винниченко, поездками в сичевую дивизию, где искал личной популярности, а также выездами в Винницу на заседания директории. Ген[ерал] Осецкий подписывал, сочиняемые Петлюрой приказы и воззвания, составлял вместе со своим помощником Хилобоченко (обозный офицер, бывший начальник штаба Капкана) планы операций, никем не исполнявшиеся, водил на доклады к Петлюре вместо Удовиченко, которого в Казатине не

было, Высовского, который значился его секретарем, и вместе с Макаренкой упорно и медленно формировал железнодорожников. Общий личный состав штаба был колоссальный, но работы имел очень немного.

Наскучив полным и безнадежным бездействием в Казатине, я добился назначения моего на юг в качестве самостоятельного представителя директории. Петлюра охотно пошел на это, так как мое присутствие в Казатине, по всем моим впечатлениям, не доставляло ему никакого удовольствия и тяготило его начальника штаба, а Винниченко согласился на это по чисто "деловым соображениям".

В районе Одессы в это время вел операции в свою голову доктор Луценко, член партии самостийников, очень порядочный, но чрезвычайно далекий от жизни вообще, а от военной, в частности, человек. Доктор Луценко был очень популярен в Одесском районе среди крестьянского и рабочего населения, так как с давних пор охотно лечил всех и каждого, совершенно не интересуясь гонораром (он имел большое личное состояние). Благодаря слабости австрийских оккупационных частей он легко очистил от них одесский район и занял самый город.

Абсолютно не доверяя партии самостийников, энергично стоявших в то время на стороне Петлюры, особенно после "военного проекта" Винниченко, и в частности не доверяя доктору Луценко, Винниченко желал так или иначе взять его под свой контроль и отстранить от него Петлюру; средством для этого и явилось мое назначение «главнокомандующим Херсонщины, Екатеринославщины и Таврии и полномочным представителем директории в Одессе», как значилось в данной мне директорией грамоте, не подчиненным Петлюре, а подчиненным непосредственно директории, головой которой был Винниченко. Назначение это состоялось 17 декабря 1918 года, и я в тот же день выехал в Одессу. С этого отъезда моего и начинается соприкосновение директории с французским командованием в Одессе и первые опыты тех переговоров, которые без всякого результата продолжались затем до половины марта 1919 года.

Прибыв 18 декабря 1918 года на станцию Раздельная, я получил от местных властей доклад, что в Одессе с самого утра идет бой между «украинцами и французами». Абсолютно не зная, откуда взялись в Одессе французы и почему они вступили в бой с украинцами, я вызвал к телефону доктора Луценко, которого знал еще со времени центральной рады, и просил объяснить мне положение. Из его доклада я узнал, что утром 18-го декабря в одесском порту началась высадка французских войск. Этой высадкой воспользовались добровольцы, которых когда-то начал организовывать Скоропадский и которые затем были

разогнаны украинцами при занятии ими Одессы, но снова быстро сорганизовались при первых сведениях о предстоящем прибытии в Одессу французских войск. По словам доктора Луценко, добровольцы воспользовались продвижениями по городу французских частей, идя непосредственно впереди их вытесняя украинцев из города, так как из опасения обстрела французских войск украинцы не могли достаточно энергично действовать против добровольцев. С французскими войсками украинцы не имели никаких столкновений и со стороны этих последних тоже не было выступлений против них. Доктор Луценко в заключение заявил мне, что он переходит в наступление для очищения города от добровольцев и обратного занятия всех частей его.

Опасаясь возможных недоразумений с французскими войсками, особенно при известном мне малом умении боевого руководства со стороны доктора Луценко и примитивной организации украинских войск его отряда, я приказал ему отложить свое наступление до получения распоряжения от меня и решил лично выехать в Одессу, предполагая, что все дело в простом недоразумении, которое легко будет мною рассеяно. Уверенность моя в несерьезности недоразумения была так велика, что я даже взял с собой вагон, где помещалась моя семья, предполагая оставить ее в Одессе, где по моим расчетам должен был находиться и я.

К глубокому моему удивлению, я едва не был расстрелян добровольцами на станции Одесса, начальник французских войск ген[ерал] Бориус отказался меня принять, и не только о моем пребывании в Одессе не могло быть и речи, но лишь благодаря чисто офицерской любезности ген[ерала] Бориуса я неофициально получил по его распоряжению паровоз, управляемый французскими офицерами, и в ночь с 19 на 20-е декабря, накануне торжественного въезда директории в Киев, потихоньку был вывезен на нем на станцию Дачная, где стояли украинские войска, отошедшие туда по моему приказу. Семья моя через день была благополучно переправлена туда же.

Совершенно не понимая в чем дело, я решил корректностью и выдержкой доказать французскому командованию, что украинские войска абсолютно никакой вражды к нему не питают, что это не банды, а организованные воинские части, и что, наконец, население города и всей округи на стороне украинцев, а не добровольцев.

Поместившись на станции Раздельная, я приступил к организации местного гражданского управления подчиненных мне губерний, к организации бывших войск Луценко, бывших в довольно хаотическом состоянии, и к формированию в районе Раздельной новых воинских частей, пользуясь каждой малейшей оказией для подчеркивания фран-

цузскому командованию дружеского отношения к нему, но не получая от него никаких реплик на эти подчеркивания. Это была самая первая стадия переговоров украинской директории в моем лице с представителями Франции, стадия молчаливого изучения украинцев и в частности меня со стороны одесского командования. По разным случайным данным я вскоре убедился, что настойчивая моя примирительная политика не остается без результатов и что во всяком случае активного выступления против украинских войск со стороны французов ожидать абсолютно нет оснований.

Организационные работы шли спокойно и быстрым темпом. Население района отнеслось очень сочувственно к вновь назначенным комендантам и гражданским комиссарам. Сильная организация кооперативов пришла мне помощь поставкой продуктов для войск, представитель этой организации был Сидоренко, человек огромной энергии и распорядительности (ничего общего с Сидоренко — послом Петлюры не имевший). Бывшие войска доктора Луценко (он был поставлен во главе гражданской администрации Херсонской губернии) были переорганизованы по определенному плану и во главе их был поставлен, по настойчивой просьбе доктора Луценко, крайне непопулярный среди них прапорщик Янев, галичанин по происхождению, человек мало образованный в военном отношении, но зато очень смелый и умевший владеть солдатскими массами и, кроме того, имевший весьма большую популярность среди рабочего населения Одессы, и в частности — железнодорожного узла ее. Из этих войск получилось около бригады довоенного состава. Кадры для этих частей взяты из Бельцы, Ананьева и Ольвиополя, из остатков кадров бывшего херсонского корпуса, перемещенных туда при Скоропадском, когда он начал в Одессе формировать добровольцев.

На Раздельной сформировано было два полка (командирами были полк[овник] Музыка и полк[овник] Ещенко) полного военного состава с артиллерией (2 батареи по 4 орудия), которые в ближайшем будущем должны были развернуться в дивизию. Установлен контакт с крестьянским атаманом Григорьевым, имевший крупные силы в низовьях Днепра, и с атаманом Хасловским, имевшим свои части между Ольвиополем и Вознесенском. На станциях Бирзула, Помощная, Доминская и Апостолово, а также в Тирасполе и Вознесенске началось формирование отдельных батальонов.

В районе станции Березовка, в Николаеве и Херсоне намечено было формирование полков, но самая работа только подготовлялась. В Елизаветграде формирование пехотного и кавалерийского полков из

оставшихся там со времен Скоропадского формирований, правда, не чисто украинских, но, во всяком случае, готовых служить и на Украине.

В Елисаветграде оказалась, кроме того, группа галичан «сичевых стрельцов» (сокольская организация) во главе с доктором Старосольским, пришедших на Украину во время оккупации ее с полковником Вышиваным (эрцгерцогом Вильгельмом Габсбургским) и оставшихся там по уходе австрийских войск. Доктор Старосольский предложил мне свои услуги для формирования батальона, но, не зная ни его, ни его кадров, я пока ответа ему не давал.

Среди всей этой работы, неожиданно для меня, 2-го января 1919 г. я был вызван головой директории Винниченко в Киев и 3-го отправился туда, предполагая немедленно вновь вернуться на Раздельную. За себя я оставил присланного мне за несколько дней перед этим головным атаманом Петлюрой начальника штаба ген[ерала] Матвеева. Назначение это, помимо всякого предварительного сношения со мной, несколько удивило меня, но ген. Матвеева я знал по Петербургу, был вместе с ним в академии ген. штаба и потому не принять его я не мог, тем более, что вообще на украинской военной службе того времени приходилось мириться со многими крайне своеобразными и в европейский армиях не принятыми методами и приемами верховного командования.

Прибыв в Киев 4-го января, я в тот же день был у головы директории Винниченко, но никаких докладов сделать не мог и никаких объяснений причины моего поспешного вызова в Киев не получил, так как в этот вечер директория делала парадный обед представителям партий и внимание председателя ее было всецело поглощено этим обстоятельством.

Будучи приглашен на этот обед, я сразу получил возможность наблюсти картину внутренних взаимоотношений и состояния правящих украинских сфер, неизвестную мне непосредственно с самого отъезда на юг.

Прежде всего, самым характерным оказалось, что после того, как директория уже с 20 или с 21 декабря была в Киеве, до сих пор еще не было сформировано правительство, и лишь на этом обеде предполагалось привести партии к соглашению по этому вопросу. Премьером намечен был Чеховский, педагог по специальности, левый с-д по партии, большой украинский патриот в общепринятом интеллигентском понимании этого термина, лично человек безупречной репутации, но без малейшего государственного опыта и знания устройства и техники работы правительственного аппарата.

То обстоятельство, что директория, которая считала себя во время пребывания в Виннице украинским самодержцем, de facto являлась лишь посредником между партиями и посредником без решающего и понуждающего голоса, также представлялось чрезвычайно характерным. То, что партии вели бесконечные пререкания из-за количества портфелей в будущем кабинете, когда со стороны Курска вновь уже определилось наступательное движение большевиков на Украину, когда французское командование в Одессе не желало даже говорить с представителем украинской власти, когда страна была совершенно лишена всяких органов управления, кроме самой директории в Киеве, и когда крестьянские ополчения частью безудержно расходились по домам, частью грозили самой директории (атаман Зеленый, Ангел, так называемая Таращанская дивизия - бывшее ополчение Шинкаря, Григорьев и другие), а иных войск, кроме галичан, у директории не было, - тоже факт, не лишенный характеристики для положения вещей.

Но это была, в общем, картина, знакомая мне еще со времен центральной рады. Поразило же меня особенно в этот вечер одно совершенно новое явление: когда все уже собрались, а обед не начинался, не смотря на присутствие всей директории и представителей партий, я наивно поинтересовался, в чем причина задержки, и узнал, что ждут приезда членов «сичевой рады». Появление членов этой рады, молодых людей не старше 20-25 лет, превосходно одетых во френчи английского образца, тогда как я ранее большинство из них видел всегда в довольно пожилых австрийских мундирах, было чрезвычайно эффектно и сразу показало, кто хозяева столицы. Во главе с командиром корпуса «полковником» Коновальцем члены рады in corpore вошли в приемный зал бывшего генерал-губернаторского дома, который занимал демократический Винниченко (там же жил и Скоропадский в свое время) и были радостно почтительно встречены Петлюрой и сухо почтительно Винниченко.

Коновалец был прапорщик австрийской службы, формировавший батальон из пленных галичан еще в 1917 году; при Скоропадском батальон был расформирован, но в августе или сентябре тому же Коновальцу в результате его долгих предварительных разговоров с германским командованием поручено было формирование уже бригады в Белой Церкви. Являясь по должности председателем «сичевой рады», состоявшей из 8 или 10 человек командиров разных частей корпуса, корпусного доктора, фамилию которого я забыл, и штатского человека доктора Назарука, Коновалец, человек очень хитрый и ловкий, фактически был лишь исполнителем решений рады, лично на себя ничего не беря. Spiritus movens организации был доктор Назарук, пользовавший-

ся непререкаемым авторитетом среди своих товарищей, вероятно, еще со времени учебных лет на родине (все члены рады были земляками). Он в это время не занимал никакой определенной должности, но числился при директории и что-то там делал. Человек не без способностей, но совершенно неуравновешенный неврастеник, доктор Назарук для государственной работы, особенно в это сложное время, подходил весьма мало. Поэт и писатель по специальности, он прекрасно говорил, логично развивал свои идеи, но фундамента для целесообразного мышления в государственных вопросах совершенно не имел, ограничиваясь кругозором провинциального быта крошечной Галиции. По всем своим убеждениям он был яркий германофил и патриот, прежде всего, Галиции, а затем Украины, что и сказывалось в методах хозяйничанья рады в Киеве, стремившейся выкачать на родину возможно больше военного и всякого иного имущества для освободительной борьбы ее против поляков. Самым отрицательным типом являлся Чайковский, шеф чрезвычайки, обслуживающий директорию и расправлявшийся с ее недругами не хуже большевиков, знаменитый своей жестокостью и алчностью, не знавший сомнений в выборе средств для наживы до провокационных убийств включительно. Прочие члены рады были довольно незначительны, кроме разве Мельника, спокойного и разумного, хотя и очень молодого человека, совершенно не знакомого не только с государственным, но и с военным обиходом свыше роты.

Бесконечные застольные речи на выше упомянутом обеде (некоторые господа, как, например, будущий министр финансов, ухитрились говорить более полутора часов) окончательно подтвердили все вышеотмеченные мои первоначальные впечатления. После обеда, когда доктор Назарук был в несколько откровенном настроении, я имел с ним беседу, которая пояснила мне разницу оттенков встречи членов рады при их входе в зал. «Сичевая рада», фактически единственная физическая сила, распоряжавшаяся всем в Киеве и державшая все караулы столицы, до личной охраны членов директории включительно, была недовольна головой директории Винниченко за его порывы к независимости от нее и желала иметь головой директории Петлюру, с тем, чтобы он отказался от военных дел, а верховным военным командующим и фактическим диктатором объявлен был Коновалец, то есть «Сичевая рада». Петлюра охотно шел на председательство, но желал в то же время обязательно сохранить столь важное для его личных целей звание головного атамана, и на эту тему между ним и радой шли тайные переговоры для выработки компромисса. Так как рада являлась хозяином лишь в Киеве, но на остальной Украине не имела никаких сил, то предпринять какой-нибудь насильственный переворот она не

решалась, тем более, что уже в период пребывания в Белой Церкви и наступления на Киев определилось совершенно ясно, что сельское население считает галичан австрийцами, а не украинцами, и относится к ним более, чем прохладно, не понимая даже их языка.

Последующие дни дали ряд дополнительных штрихов. 5-го или 6-го января мне пришлось присутствовать на заседании директории. В течение 3-х или 4-х часов обсуждался вопрос об автокефальности украинской церкви, причем все члены собрания, кроме Андреевского, юриста по специальности, видимо, почти даже не представляли себе юридического, а, тем более, канонического смысла понятия автокефальности, а иные, как Винниченко, вообще никакой церковью не интересовались; представителей духовенства на заседании не было. Впечатление получалось, как от игры детей в старших, и целый вечер ушел на эту игру и занятие совсем не первосрочным вопросом. Видимо, директория имела много досуга, если могла заниматься совершенно отвлеченными вопросами в течение стольких часов.

В один из этих же дней я был на заседании директории вместе с представителями партий и «сичевой рады». Директория взывала к партиям об оставлении междоусобия и объединении для создания правительства и борьбы с большевиками. Доктор Назарук весьма красноречиво развил критику работы директории и ее нежизнеспособности при данном составе и требовал главой в ней Петлюру с передачей военного командования Коновальцу. Партии с-д и частью с-р (левые) поддерживали Винниченко, самостийники - Петлюру. Много горьких и застарелых обид высказано было в связи портфелями в многострадальный будущий кабинет, все еще не формированный. Представитель «Селоспилки», всеукраинской крестьянской кооперативной организации, Коваль возразил на все предыдущие словоизлияния, что Украине нужен земельный закон, нужна своя выборная всем народом власть и постоянная армия, хотя бы и по обязательному набору, а не хозяйничанье в ней бывших ее же пленных; лучше, по его словам, уж пускай придут большевики, те хоть свои (необычайно характерно для пресловутого самостийнического настроения крестьян), а галичане - австрийцы. Директории селяне не выбирали, она сама себя выбрала (так оно и было в действительности) и должна в глазах народа заслужить еще право быть украинской верховной властью. Со стороны доктора Назарука и головы и членов директории реплики на эти афоризмы и максимы не последовало. Собрание разошлось, проговоривши минимум 6-8 часов и, конечно, не придя ни к каким деловым решениям.

Наконец, около этих же дней в здании греческого консульства на Александровской улице были убиты два солдата охраны из чехос-

ловаков. Директория повела строгое следствие, но внезапно остановила его, узнавши, что убийство произведено было группой солдат «сичевого» корпуса, кроме убийства и разгрома канцелярии еще уведших консульский автомобиль. В дела «сичевиков» директория не посмела вмешаться и лишь передала все Коновальцу. Коновалец сделал возмущенный вид, но виновники им не были отысканы, хотя известно было, что они из состава какой-то немногочисленной части, а дело было прекращено широким возмещением убытков консульству и выдачей крупных сумм для отсылки семьям убитых. Ясно было, что Коновалец, а следовательно и вся «сичевая рад», не были хозяевами своих войск и даже побаивались их.

Киев вместе с директорией, всеми партиями и будущими правительствами был в конечном итоге, следовательно, во власти произвола солдат-галичан, правда, крайне тесно спаянных между собой общностью интересов и выгодой положения. «Сичевая рада» в своих действиях прежде всего должна была бы считаться с желаниями крестьянских масс. Село мечтало о законной власти, которая авторитетно зафиксировала бы status quo земельного вопроса, и в директории этой власти не видело и не чувствовало. Директория строением государства не занималась, да и не имела данных для этой работы.

7-го января 1919 г. головой директории Винниченко и г-ном Чеховским мне было предложено войти в состав будущего кабинета в качестве военного министра. В кругах, близких к Винниченко, к которым принадлежал и Чеховский, предполагалось, что мне удастся произвести ряд формирований войск типа тех, которые были мною уже начаты на юге, чтобы избавить директорию от диктатуры галичан и иметь войска для отпора большевиков. В то же время по виду делалась уступка Петлюре, которому не нравились мои формирования на юге, пока не подчиненные ему, но он тем не менее был против моей кандидатуры в военные министры.

Войска директории, кроме перечисленных моих формирований, состояли в это время: из левобережного корпуса Болбочана (по донесениям его - до 40-50 тысяч); сам Болбочан, хотя и признал директорию, но сильно подозревался в сношениях с Деникиным и считался чрезвычайно ненадежным, особенно «сичевой радой», которая имела с ним какие-то свои особенные счеты; из «сичевого корпуса» - три дивизии, частью, как было указано выше, из галичан, частью укомплектованные дополнительно из бывших гетманских сердюков, в общем составе 30-35 тысяч; из «армии» Оскилко на Волыни, состав которой был никому не ведом до Оскилко включительно; и, наконец, из «гайдамаков» Петлюры под командой бывшего фельдфебеля русской армии

Волоха (остатки прежних петлюровских формирований еще времен центральной рады, дополненные при директории), в общем составе 6-7 тысяч. Крестьянские атаманы, в руках которых все еще оставалось довольно много войск, как, например, у Григорьева, Зеленого и других, как уже было сказано, директории не признали.

Надо было в конгломерат армии директории ввести новые твердые организации, чтобы хоть временно задержать наступательное движение большевиков. Для этого могли и должны были быть использованы кадры корпусов, хотя директория и не доверяла им, и, принимая пост военного министра (вопрос был так поставлен Винниченкой, что я не мог не принять его, несмотря на все мое желание довести хотя бы до маломальского результата мою работу в Херсонской губернии; та должность, которую я имел на юге, упразднялась вовсе), я поставил директории условие, что использую их, не взирая на все подозрения их в недостатке украинского патриотизма.

Центральное военное управление в этот момент было в совершенно хаотическом состоянии, так как с приходом директории в Киев правительственная работа ее была начата весьма рискованным экспериментом, немедленного поголовного разгона личного состава бывших гетманских министерств до самых малых чинов включительно. В военное министерство распоряжением начальника штаба Петлюры ген[ерала] Осецкого назначены были какие-то особенно доверенные и ревностные комиссары-сыщики из партийных деятелей, которые должны были проверить curriculum vitae и революционно-украинскую благонадежность всего личного состава министерства и изгнать всех недостойных. В результате в несколько дней весь уже налаженный и правильно работавший сложный центральный аппарат был разрушен до основания, и всякая работа военного министерства прекратилась. Правда, штаб Петлюры во главе с ген[ералом] Осецким, оставаясь полевым штабом, смело и решительно взял на себя и функции в министерстве, но ему удалось за три недели времени выработать лишь проекты о форме одежды украинской армии и об орденах за особо выдающиеся заслуги директории, а также о неопределенных пособиях за период «войны» против Скоропадского.

Сам головной атаман Петлюра горько жаловался на безурядицу в военном ведомстве и, несмотря на личное недоброжелательное отношение ко мне, в конце концов, тоже начал настаивать, чтобы я принял, возможно, скорее военное министерство, когда-то мною уже организованное, и снова наскоро организовал его хотя бы в упрощенном виде. Винниченко настойчиво хотел, чтобы мне подчинен был и полевой штаб, но я сам категорически отказался взяться сразу за два дела и

добился разделения военного министерства и полевого управления войск, так как сложных и спешных задач по министерству было с избытком достаточно, чтобы еще браться за руководство боевыми операциями войск, особенно таких, как имевшиеся налицо.

8-го января 1919 г. был, наконец, сформирован кабинет Чеховского. Премьер, кроме своей прямой роли, взял на себя еще министерство иностранных дел. Прежде, чем приняться за дела министерства, я просил директорию разрешить мне поехать на Раздельную, чтобы там сдать все моему преемнику, но мне было отвечено, что преемника мне назначено не будет, так как моя бывшая должность будет упразднена и мои формирования будут держать "фронт против Одессы" с подчинением их штабу Петлюры, и что я должен, возможно, скорее приняться за новую должность. Получилась неожиданная и нелепая картина обрыва начавшей уже давать заметные результаты организационной работы и использование ее в неведомых мне целях «против Одессы». Как и при правительстве Скоропадского, выхватывалось из рук дело, в которое положено было много труда, и весь продуманный план его переходил в чужие руки, губя из-за личных счетов и соображений дело. Оставалось подчиниться велению "верховной власти" и приняться за розыски всех распуганных следователями Осецкого скромных работников бывшего военного министерства, чтобы создать хоть какой-нибудь центральный аппарат, и за формирование действительных войск из кадров корпусов, так как большевики уже заняли Белгород и подходили к Харькову.

Велико было мое изумление, когда уже 9-го января поздно вечером я был спешно вызван в генерал-губернаторский дом и Винниченко объявил мне, что на следующий день я должен выехать в Одессу для переговоров с «французским консулом» (слова Винниченко) г-ном Энно (о военном французском командовании не упоминалось ни слова). Забыта была вмиг спешность работы по министерству, о которой мне только что так наставительно говорили, и меня отправляли с миссией, совершенно мне чуждой. Как объяснил мне Чеховский, подкладка дела была такова, что прибывший в Киев «секретарь» консульства в Одессе, Серкал (настоящая фамилия его была Черкаль, он был чех по происхождению) заявил, что консул желает говорить со мной и именно только со мной, и потому меня туда немедленно и командировали.

Мне пришлось познакомиться с г-ном Серкалем еще в бытность мою на Раздельной, когда он из Киева проезжал в Одессу с документами от директории, удостоверявшими, что он секретарь французского консульства в Одессе. Я, совершенно искренне принимая его за официальное лицо, тем более, что он ехал вместе с греческим консулом в

Киеве г-ном Василиади, воспользовался случаем, чтобы обрисовать ему положение украинского вопроса в том виде, как я понимал его, и возможную роль Украины в деле возрождения России и просил помочь мне изложить все свои взгляды более полномочным, чем он, секретарь консульства, представителям Франции. Быть может, разговор этот заинтересовал моего собеседника, или здесь играли роль какие-либо иные соображения и расчеты, но во всяком случае - факт, что г-н Серкаль явился инициатором в Киеве моей первой командировки в Одессу.

Давая мне инструкции, Винниченко подчеркнул мне яркими штрихами, что я еду не по инициативе и не по выбору директории, а по инициативе самих французов, очевидно стремящихся добиться дружеского отношения к себе директории, но мало ориентирующихся в личном составе украинской директории; что поэтому директория не дает мне никаких полномочий, но не видит причины не воспользоваться случаем узнать точнее, чего хотят французы; хотя она, директория, и не доверяет им, но все же, быть может, и возможно было бы использовать их для борьбы против большевиков. Мне надлежало точно выяснить, сколько именно в Одессе французских войск, каковы их планы действий, какие при них новейшие технические средства и есть ли у них здесь те «ослепители, которыми они сразу ослепляли целые германские фронты и выводили их из строя»; последнее средство, не знаю откуда известное ему, особенно интересовало главу идейной антимилитарной демократии, и он несколько раз настойчиво подтвердил мне необходимость за всякую цену достать «хоть парочку» таких ослепителей для курского и харьковского фронтов.

Головной атаман Петлюра, напутствуя меня, со своей стороны подчеркнул, что французам доверять невозможно, так как они поддерживают Деникина, но что надо попробовать их «обдурить и использовать их технику для Украины». Видимо, он находил, что и мне не следует доверять, так как впереди меня отправил своего человека Шумицкого, с секретным поручением следить за каждым моим шагом, в чем я и убедился с первого момента приезда в Одессу. Наконец, премьер Чеховский, видимо мало еще освоившийся с дипломатическим языком,порадовал меня заявлением, что он, Чеховский, мне вполне доверяет и полагает, что я «все сделаю, как следует». В чем заключался смысл этих «все» и «как следует», так и осталось тайной нового главы украинских дипломатов. Во всяком случае он прибавил, что командирует вместе со мной в Одессу своего помощника доктора Галиппа и просит работать совместно с ним.

Запасшись такими наставлениями, я вместе с доктором Галиппом и господином Серкалем 10-го января выехал из Киева и 11-го прибыл в Одессу. На следующий день я должен был говорить с господином Энно, но, придя к нему вместе с доктором Галиппом, передан был в распоряжение его супруги, так как в этот день прибывал в Одессу генерал д'Ансельм со своим штабом и г. Энно был чрезвычайно озабочен вопросом о каких-то автомобилях.

Не стесняясь присутствием доктора Галиппа, широкие взгляды на вещи которого мне были известны (он также не был расположен к Шумицкому), я изложил Энно мою излюбленную теорию о крайней выгодности украинского национализма, как фактора противобольшевистского, и о полной безопасности его для дела возрождения России, так как в массе населения Украины вражды к России никакой не было и обе территории в силу уже своих естественных географических данных не могли, не задохнувшись от непосильного бремени бесконечных открытых границ, быть во враждебных отношениях между собой. Я подчеркнул, что основная масса населения Украины не только не большевистична, но и вообще не революционна, исключая вопроса о земле, и что если найти фактор, который дал бы возможность взять в руки эту массу и организовать ее, большевизма на Украине не будет и от нее пойдет спасение от большевиков и остальной России. Таким фактором дисциплинирования народных масс могла явиться только иностранная дружественная вооруженная сила, и лучше всего эта роль могла бы быть исполнена французскими войсками, как привычными народу традиционными союзниками еще со времен великой войны. Об ослепителях я с Энно не беседовал, но совесть моя была спокойна, так как полномочий от директории я не имел, а от себя имел право говорить то, что думал. Видимо, беседа моя произвела положительное впечатление, так как прибывший домой г. Энно по выслушанию отчета об этой беседе заявил мне, что сделает все возможное, чтобы в ближайшие дни я был принят генералом д'Ансельмом.

Действительно, через день, если мне не изменяет память, я получил приглашение прибыть в штаб французского командования и 14-го или 15-го января сделал там доклад. Присутствовали генералы д'Ансельм и Бориус, начальник штаба полковник Фрейденберг и еще два или три офицера, которые вели заметки во время моего доклада; г. Энно здесь не присутствовал. Я повторил те же идеи, которые только что излагал у г-на Энно, и просил рассмотреть вопрос о возможности принятия французскими войсками участия в деле организации Украины для борьбы против большевиков, для каковой организации данный момент был чрезвычайно выгоден. Генерал д'Ансельм ответил мне,

что он сообщит, куда следует, сведения о моем докладе, а пока предлагает для доказательства лояльности украинцев в отношении французских войск отвести все украинские части из района Одессы и Раздельной к северу от линии Раздельная-Тирасполь, выполнение какового передвижения и будет рассматриваться, как первое условие возможности дальнейших переговоров. Мне лично он от имени французского командования выразил признательность за лояльное отношение подчиненных мне частей к французским войскам за все время пребывания моего на Раздельной. В последующем отдельном разговоре полковник Фрейденберг подчеркнул мне, что со стороны французского командования не встречает доверия фигура головы директории Винниченко, как заведомого германофила и «большевика» (собственное выражение полковника Фрейденберга), и что пока это лицо стоит во главе украинской власти, трудно рассчитывать на возможность каких-либо соглашений и совместных действий. Во всяком случае, мне предложено было возвратиться в Киев, выполнить прежде всего требование командования об отводе войск за Раздельную и затем ожидать результатов распоряжений высших командных инстанций в связи с моим докладом.

15-го января я уехал в Киев. Проезжая через Раздельную, я узнал, что за время моего пребывания в Киеве ген[ерал] Матвеев несколько раз тайно ездил в Одессу и возбудил подозрения всего штаба и гарнизона Раздельной в сношениях с добровольцами. Я просил ген[ерала] Матвеева дать мне объяснение, но такового не получил, и принужден был отстранить его от должности и предложить ему уехать с Раздельной.

В Киеве мой доклад о неизвестности, есть ли у французов ослепители, но об известности того, что они не только не заискивают симпатий к себе директории, но прежде, чем вести какие-либо переговоры с ней, требуют увода украинских войск (которые по мысли штаба Петлюры должны были держать «фронт против Одессы») за линию Раздельная-Тирасполь, - вызвал бурю негодования. Когда же с глазу на глаз я сказал Винниченко, правда, в весьма мягкой форме, о недоверии к его высокой особе (официально директория называлась «высокая директория»), престиж Франции в глазах головы украинской республики окончательно упал, но зато поднялся в глазах Петлюры, аспиранта в главы, нашедшего себе неожиданно союзника для низложения Винниченко. Партии тоже негодовали. Решено было при первой возможности отправить в Одессу действительно полномочную компетентную миссию, чтобы выяснить французам всю опасность для них разногласий с украинской директорией. Во главе миссии должен был стоять

фактический председатель сичевой рады доктор Назарук, как самое авторитетное лицо в правящем Киеве. Поездка эта, действительно, в свое время состоялась. Мне неизвестно, как провела миссия свою работу в Одессе, но известно, что вернулась она абсолютно ни с чем и что грозные замыслы ее имели весьма мало успеха, чтобы не сказать более. Во всяком случае, доктор Назарук вынес оттуда убеждение, что французские военные власти «не культурны в высшем европейском смысле», и превозносил превосходство над ними германских военных кругов.

По возвращении в Киев я с головой ушел в организационную работу министерства и в развертывание кадров корпусов. Ввиду непрерывного продвижения большевиков, левобережный корпус (Чернигов, Харьков и Полтава) пришлось перевезти на правый берег и слить с местным корпусом. Лишь на Волыни работа шла полным ходом и дала уже крупные организационные результаты. Командиру корпуса под Черниговом удалось стать с местным представителем власти Оскилко в такие отношения, что он ему не мешал работать. Между тем, за время моего пребывания в Одессе директория постановила созвать так называемый трудовой конгресс, в теории из представителей всего трудового населения, но на практике совершенно не трудового — из ставленников (во всяком случае в решающем большинстве) дружественных директории партий и из представителей Галиции. Члены конгресса определялись с совершенно даже необычайной быстротой. Тайной целью созыва конгресса было проведение через него утверждения во власти «народными представителями» директории, так как действительно она в свое время выбрала сама себя, и юридическое положение ее было весьма сомнительно. Явной целью была всенародная организация борьбы с большевиками. Винниченко со своей стороны этим укреплял свое положение в борьбе с Петлюрой и до этой организации оберегал себя со стороны «сичевой» рады.

В двадцатых числах января конгресс собрался и, конечно, прежде всего утвердил директорию и голову ее Винниченко, а затем провозгласил соединение Галиции с Украиной (Галиции нужна была помощь против поляков, особенно артиллерией, директории же поддержка Галиции придавала дополнительный авторитет, с которым считалась «сичевая» рада). Заседания конгресса происходили в здании Киевского оперного театра и велись под бдительной охраной войск «Сичевого» корпуса, переполнявших все коридоры и залы. Мнения галицких деятелей поддерживались бурными одобрениями караулов, при речах представителей стучали прикладами и мешали говорить.

Все министры должны были дать конгрессу отчет о своей деятельности, хотя деятельность эта началась всего лишь за две недели до сбора конгресса. Пришлось делать доклад и мне, и я, исходя из явной цели конгресса — организации борьбы с большевиками — нашел необходимым вполне ясно и определенно обрисовать собранию действительное положение вещей и грозные перспективы ближайшего будущего, прося спешно прислать в корпусные кадры лучшие местные элементы. Хотя я и говорил, как всегда, по-русски, что было крайне непопулярно в то время в Киеве, но картина, нарисованная мною, или, вернее, фактическое положение вещей произвело огромное впечатление на собрание, и меня бурно приветствовали рукоплесканиями. Но зато Винниченко и Петлюра, на этот раз солидарные между собой, выразили мне крайнее свое неудовольствие за излишнюю откровенность и заявили, что речь моя «не была речью военного министра». Очевидно, надо было превознести труды директории для спасения отечества, хотя бы до собрания уже и доносились большевистские артиллерийские выстрелы (Нежин и Лубны уже были потеряны).

В результате моего доклада военная комиссия конгресса потребовала от директории подчинения мне полевого штаба, и с 24 января 1919 г. мне, оставаясь военным министром, пришлось погрузиться и в хаос, именуемый украинским фронтом. Особым распоряжением директории по обеим должностям я был подчинен головному атаману Петлюре. После моей поездки в Одессу и речи в конгрессе, Винниченко окончательно во мне разочаровался, как в орудии для своей борьбы с Петлюрой, и отдал меня ему. Первым моим движением было сформирование полевого штаба в настоящем смысле этого понятия. Для ген[ерала] Осецкого пришлось изобрести почетную должность главного инспектора армии, так как он был близок сердцу Петлюры и должен был остаться на высоком посту, а эта должность давала ему возможность разъезжать по всей Украине в столь любимых им салон-вагонах, не делая никакого дела и не мешая работать другим.

К сожалению, однако, начальником штаба я должен был просить назначить мне Мельника, хорошо зная, что в отношении штабной службы он абсолютный младенец, но имея в виду, что придется двинуть на фронт знаменитый Сичевой корпус и что для этого надо, чтобы распоряжения мои были вне подозрений и критики и чтобы корпус исполнял их. Авторитет Мельника в Сичевой раде и среди солдат корпуса был для меня большой гарантией в этом отношении.

Для фактического же ведения штаба я уговорил вступить в должность помощника Мельника товарища моего по академичной службе

на войне ген[ерала] Синклера, человека высокой порядочности и очень сведущего и опытного боевого офицера генерального штаба.

Работа по ведению операций, конечно, своей неотложностью отвлекала меня совершенно от организационной работы, так как большевики непрерывно продвигались к Днепру, а войска директории нигде не оказывали твердого сопротивления. Атаман Ангел и Таращанская дивизия, не желая помогать директории, разошлись по домам. Положение было тяжелое.

Пришлось организовать три фронта: 1) восточный (Курское и Полтавское направления), поручив его Коновальцу с подчинением ему бывших войск Болбочана (сам Болбочан в это время был арестован по требованию Сичевой рады, обвинявшей его в измене), так как главную основу войск этого направления составлял Сичевой корпус (войска Болбочана при отходе к Днепру сильно распылились); общий состав войск фронта — 5-60 тысяч; 2) юго-восточный (Кременчугское и Екатеринославское направления), поручив его полк[овнику] Кудрявцеву; в состав этого фронта вошла и группа Янева, перемещенная из Одессы в район Бирзулы, общий состав войск фронта был 35-40 тысяч; и 3) северо-западный фронт (Волынь и Львовское направление), поручив его Шаповалу с подчинением ему «армии» Оскилко и галицийской армии Омельяновича-Павленко, которая с момента присоединения Галиции перешла в ведение украинского верховного командования; общий состав войск точно никак нельзя было установить, но его считали около 70-80 тысяч. В районе Жмеринки и Казатина должны были сосредоточиться все законченные новые формирования, кроме Волынского корпуса, в виде центральной резервной группы. Этих войск пока было около 25 тысяч. Общим начальником их назначен был полк. Чеховский, брат министра. В низовьях Днепра должна была действовать крестьянская боевая организация атамана Григорьева.

Между тем, по всему левобережью большевики все сильнее и сильнее теснили украинские войска, так что пришлось на Полтавское и Курское направление выдвинуть уже части «Сичевого» корпуса, несмотря на все их нежелание оставлять Киев. Боеспособность галичан оказалась чрезвычайно невысокой, а руководство фронта ниже всякой критики, так как перешедший из шефов чрезвычайки в начальники штаба Коновальца Чайковский абсолютно ничего не понимал в руководстве боевыми операциями, а единственный офицер генерального штаба в корпусе поручик Отмарштейн, бывшей русской службы, конечно, один ничего сделать не мог. По моей личной просьбе в помощь начальнику штаба Чайковскому согласился вступить в штаб близко известный мне на войне полк[овник] Матвеенко, чрезвычайно дельный

офицер генерального штаба, но он дольше недели не мог выдержать всего происходившего там сумбура и ушел.

Большевики тем временем были уже в нескольких переходах от Киева — и со стороны Полтавы, и со стороны Курска. Приходилось начать эвакуацию столицы, каковая поручена была подполковнику Жуковскому, бывшему военному министру при центральной раде, и была выполнена им крайне добросовестно. В конце января 1919 года директория и правительство переехали в Винницу, Петлюра был в Жмеринке, а 2-го февраля и «Сичевой» корпус очистил Киев и перешел штабом в Казатин, фронтом на линию Фастов — Белая Церковь — Черкассы. Удержать их на более близкой к Киеву линии оказалось совершенно невозможным. Большевики вошли в Киев через несколько дней безо всякого боя.

Потеряв в первый же месяц своего правления всю левобережную Украину, директория решила во что бы то ни стало добиться помощи французов и вернуть под свою власть утраченные территории. Не знаю, каким образом, но ей удалось добиться согласия французского командования на выезд полк. Фрейдберга на станцию Бирзула для переговоров со специальной ее миссией. Миссия эта составлена была из гг. Остапенко (с-р), Бачинского (с-р) и Мазепы (с-д). К ней добавлен был я в качестве военного эксперта без прав члена миссии и барон Штейнгель в качестве переводчика. Все общество в ночь с 4-го на 5-е февраля выехало специальным поездом на Бирзулу.

5-го февраля состоялась встреча миссии с полк[овником] Френдбергом. Не быв членом миссии, я не знаю наверное, какие задачи и инструкции она имела от директории, но я мог наблюдать, что руководитель ее Остапенко держал все время чрезвычайно миролюбивый и доброжелательный тон и добивался официального признания французскими властями директории и вступления их с ней в прямые дипломатические отношения для организации совместной борьбы против большевиков, намекая на целый ряд уступок, начиная с одесского порта. Полк[овник] Фрейндберг, явно умышленно подчеркивая резкость своих выражений, заявил, что сначала надо выгнать из директории, как собаку (chasser, comme un chien) большевика Винниченко, а затем уже можно будет говорить о признании ее кем бы то ни было. Это было особенно характерно после того, как в двадцатых числах января Винниченко отправил в Одессу с неким Пшонником 5 миллионов романовских рублей для передачи их будто бы через жену ген[ерала] Матвеева полковнику Фрейндбергу, чтобы привлечь его симпатии к директории и ее голове. Мне этот факт достоверно известен потому, что Пшонник, знавший меня по Раздельной (он был железнодорожным

служащим Одесской железной дороги), первоначально обратился со своим предложением ко мне, но был направлен мной к голове директории по некомпетентности моей в финансовых вопросах, и в результате переговоров с ним министру финансов Мартосу приказано было немедленно привезти в генерал-губернаторский дом 5 миллионов романовских рублей «новыми бумажками», и они были вручены Пшоннику, которого Винниченко видел в первый раз в жизни. По моим сведениям, он вскоре вместе с Матвеевым выехал за границу.

Винниченко, видимо, и сам мало рассчитывал на успех миссии Остапенко, так как параллельно с ней организовал еще одну миссию — Мазуренко — к большевикам с предложением им в случае признания ими директории совместных действий с ними (и ряда территориальных уступок) против французов. Большевики, однако, своих боевых операций не останавливали ни на минуту.

В конечном своем итоге это обстоятельство и бирзульские переговоры привели к уходу Винниченко. Как человек осторожный, он совершенно не прочь был своевременно уехать подальше от опасных и беспокойных мест, а здесь подворачивался случай облечься в красивую тогу жертвы идеи, и, несмотря на уговоры партий, частью стоявших за «ориентацию Украины на собственные силы», как тогда все время говорилось, частью за ориентацию на большевиков, Винниченко к великой радости Петлюры вышел из директории и уехал за границу — защищать там украинскую идею, для каковой задачи получил весьма крупную денежную сумму из государственной казны.

В этот же период уговоров Винниченко не уходить из Директории члены правительства от партии с-д во главе с Чеховским начали все более и более настойчиво пропагандировать идею соглашения с большевиками. Чеховский ухитрился даже построить основания для этого соглашения на требованиях христианской религии и идеализировал большевиков, как истинно книжный человек. Большинство партии с-р и самостийники оказались против этого соглашения, и Чеховский вышел в отставку. Новый кабинет было поручено составить Остапенко. Он определенно стоял за соглашение с французами и требовал от директории полномочий в этом направлении. Кроме того, считая меня почему-то за persona grata в одесских французских кругах, он потребовал, чтобы Петлюра устранился от фактического руководства войсками и чтобы самостоятельное командование ими принял я в звании наказного атамана. Военным министром намечен был командир северо-западного фронта Шаповал. Так как большевики были уже на правом берегу, директория шла на все эксперименты — и с французами, и с Мазуренко.

После долгих переговоров Петлюра, который с уходом украинской власти из Киева в глубь страны, где галичане уже не имели силы, чувствовал пока себя без твердой опоры, дал словесное обещание не вмешиваться в боевые операции, но настоял на сохранении за собой звания головного атамана.

Около половины февраля, после бесконечных разговоров и заседаний, кабинет был сформирован. Наследство, полученное им от своих предшественников, было не блестяще. Никаких серьезных правительственных мероприятий, кроме известной конфискации частных бриллиантов в Киеве министром Мартосом, не было выполнено. Местное управление страны все еще оставалось совершенно не организованным и велось самим населением, как Бог на душу положит, без всякой связи с центром. За границу отправлен был ряд многолюднейших миссий с колоссальными денежными суммами, но о результатах работы их сведений не поступало. Переговоры с французами и большевиками не сдвигались с мертвой точки. Фронт продолжал подаваться: оставляя с каждым днем все меньше и меньше территории в руках украинской власти. Новые формирования войск эти отступления постоянно задерживали и вносили в них путаницу. Крестьянство правобережья, наскучив директорийской безурядицей и массой войск, наводнявших всю уцелевшую пока от большевиков часть Украины, открыто начинало поговаривать о желательности прихода большевиков, которые, быть может, дадут больше порядка. Подпольная агитация большевиствующих с-д и левых с-р подогревала эти настроения.

В такой обстановке около 15-16 февраля 1919 г. отправлена была в Одессу полномочная миссия в составе нового министра иностранных дел Мациевича (с-р по партии, агроном по профессии и личный друг Петлюры), его товарища Бачинского (с-р, неизвестной профессии, был все время в эмиграции и появился на Украине при Директории, говорил по-французски, почему сделан был товарищем министра иностранных дел) и Марголина (с-р по партии, адвокат по профессии, сделан при Скоропадском сенатором, финансовый деятель, еврей). Министерство было оставлено на произвол судьбы, да оно, впрочем, фактически не функционировало еще со времени Чеховского. Заграничные миссии Директория отправляла сама, из своих людей, а с уходом Винниченко их начал отправлять самолично Петлюра, уже теперь из своих петлюровских доверенных людей, давая им, кроме официальных инструкций Директории, свои личные инструкции. В числе таких миссий еще при Директории Винниченко отправлена была в Париж миссия г-на Сидоренко, так скандально закончившая свою дипломатическую работу там, а в Берлин — миссия Порша.

Мациевичу было поручено во что бы то ни стало, “за всякую цену”, уступив угольный бассейн, порты и железные дороги, добиться признания французами Директории и оказания ей военной помощи. Вслед за Мациевичем, в Одессу должен был выехать сам премьер Остапенко для фиксирования результатов разговора Мациевича, а мне, только что назначенному для ответственного руководства боевыми операциями на фронте, бывшем уже в критическом положении (когда Сичевой корпус без всякого уведомления моего штаба в один прекрасный день снялся с фронта и ушел в Проскуров, куда еще раньше ушли по тому же методу и гайдамаки Петлюры, учинившие там еврейский погром, когда все эти дыры на фронте приходилось наспех затыкать, нарушая все формирования и всю работу военного министерства и полевого штаба), — приказано было именем Директории отправиться в Одессу ранее Остапенко и подготовить техническую сторону предстоящего заключения им военного соглашения с французами, в возможности которого, видимо, не было сомнений. Руководство войсками, конечно, взял на себя Петлюра «на время моего отсутствия», а ко мне от него вновь приставлен был все тот же доверенный его человек Шумицкий (не окончивший курса студент университета) и назначенный от нового военного министерства военным агентом в Одессу подполковник Кавернинский, мне совершенно незнакомый и неизвестный, чрезвычайно даже симпатичный, любезный в обращении и услужливый по виду человек.

18 февраля 1919 года, во исполнение приказа Директории, я отправился по назначению. Явно было, что в случае неуспеха переговоров Мациевича и Остапенко дни Украины, свободной от большевиков, сочтены, так как, как видно из предыдущего, никакой организационной и правильной боевой работы в широком масштабе не было возможности вести из-за постоянных импровизаций «верховной власти» и хаотического вмешательства в дело, которого он не знал и не понимал, головного атамана Петлюры.

Во время пребывания в Одессе я убедился, что ни о каком военном соглашении не может быть и речи. Французское командование требовало изменения всего состава директории, как необходимого предварительного условия каких-либо серьезных переговоров. Мациевич и Остапенко отстаивали престиж своей верховной власти, а время шло, большевики непрерывно и почти без боев продвигались, и территория республики Украины день ото дня сокращалась. Уже тот план, который я когда-то излагал г. Энно и ген[ералу] д’Ансельму был более чем наполовину неосуществим за сравнительной слабостью уцелевшей от большевиков Украины и так как хаос в стране и в войсках возрастал

с каждым днем. Той силы, которую могла дать Украина, организованная в начале января, к концу февраля она уже не имела, и иностранных войск требовалось уже неизмеримо больше, так как им пришлось бы уже выполнять не только задачи с помощью внутренней организации страны, но и принять на себя большую часть боевого фронта.

Между тем, присутствия в Одессе крупных французских сил не чувствовалось. Там была греческая дивизия, но она особых надежд на себя не внушала. Командование продолжало безапелляционно устраняться от всякого содействия украинским войскам и даже не согласилось дать свою мастерскую для исправления попорченных орудий, в которых украинская армия имела недостаток. С дипломатическими миссиями Петлюры оно говорило только языком требований, а Петлюра, конечно, не имел ни малейшего желания уходить, сделавшись после отставки Винниченко полновластным хозяином директории и сохраняя в своих руках высшую военную власть. Правда, в войсках было достаточно элементов, далеко не почитавших головного атамана, но элементы эти были раздроблены и сконцентрировать их не было ни малейшей возможности. В самом одесском районе можно было составить кое-какие части, но для этого надо было иметь уверенность в прочности пребывания французских войск на украинской территории, а между тем чувствовалось уже, что, в связи с кавказской политикой Англии и безнадежным положением вещей на Украине, может последовать совершенно неожиданный уход французов из Одессы. Уже из района Вознесенска французские части начали стягиваться к Одессе. Все это заставляло думать, что кем бы и какие бы переговоры ни велись, все равно результатом будет занятие большевиками всей украинской территории. В течение этого моего пребывания в Одессе мне неоднократно приходилось говорить с полк[овником] Фрейнденбергом, и он категорически заявил мне, что с петлюровской, также как и винниченковской директорией никаких серьезных кооперацій у французов не может быть. С этим я и выехал из Одессы, так как в подготовке мной военного соглашения надобности не оказалось.

Мациевич, Бачинский и Марголин остались в Одессе, продолжая свои бесконечные и безнадежные переговоры. Впрочем, они, живя в своем поезде вдали от всякого начальства и критики партий, чувствовали себя здесь гораздо лучше, чем в Виннице, и не торопились возвращаться туда. Представителем военного министерства в Одессе остался подполковник Кавернинский, работавший, как я узнал впоследствии, совсем не в пользу Украины.

Переполненный впечатлениями от разговоров с полк[овником] Фрейденбергом, я 4-го марта явился к Петлюре, подробно изложив ему

картину общего положения внутри страны и на фронте, подчеркнув, что единственным спасением для страны могла бы быть активная помощь со стороны французов, и начал убеждать его, что он сыграл уже крупную историческую роль в период освобождения Украины и вряд ли может рассчитывать на какое-либо почетное добавление к ней в создавшейся обстановке и потому, как гражданин и патриот, он должен исполнить желание французов, являющееся категорическим условием их помощи, и уйти подобно Винниченко. Разговор был очень долгий и совершенно неожиданно для меня носил, во всяком случае, по видимости, сердечный характер со стороны Петлюры. В конце концов, он заявил мне, что на рассвете 5-го марта он едет в Винницу (разговор происходил в Жмеринке) и заявит директории о своем уходе. Действительно, 5-го он поехал в Винницу, пригласив и меня с собой, и сделал в заседании Директории заявление о готовности своей для пользы родины уйти. Однако, остальные члены Директории немедленно созвали лидеров партий и под председательством Андрея Макаренко продебатировали вопрос об отказе Петлюры и категорически решили его отрицательно. Петлюра не заставил себя особенно долго уговаривать. Я лично присутствовал при всех этих перипетиях и был очевидцем их. Ясно было, что украинское дело проиграно. Весь вопрос состоял лишь в том, как долго продлится агония. Здесь же Директория вынесла постановление немедленно командировать того же меня в Одессу для убеждения французского командования, что Петлюра не может уйти из Директории и головного атаманства, ибо тогда все войска бросят оружие, и что необходимо поддерживать существующее украинское правительство для спасения от большевиков хотя бы той части страны, которая ими еще не занята. Иначе, они дойдут скоро и до Одессы и «в один миг сбросят французов в море» — буквальное выражение протокола постановления директории.

Я вполне был убежден, что все украинское дело кончено теперь, и потому мне было совершенно безразлично, оставаться ли в Жмеринке или ехать в Одессу с поручением Директории. 6-го марта я опять отправился к французскому командованию. По прибытии в Одессу я узнал, что полк[овник] Фрейденберг морем выехал в Херсон, где произошли столкновения греческих войск с большевиками, и что войска эти, а также находящиеся в районе Николаева и Березовки оттягиваются к Одессе. Ясно было, что втягиваться в борьбу с большевиками французское командование не предполагало, а потому и продолжать строить какие-либо планы относительно вмешательства его в украинские дела не приходилось.

По возвращении полк[овника] Фрейденберга я буквально передал ему порученное мне для сообщения французскому командованию постановление Директории о необходимости пребывания Петлюры во главе Украинской власти и совершенно не пытался начинать какие-либо переговоры о реальных мерах за безнадежностью их в связи с обрисовывающимися все более и более планами французов оставить украинскую территорию и в связи с неизлечимым хаосом в правительстве страны и в ней самой.

Между тем, во время этого последнего моего пребывания в Одессе по приказанию Петлюры без моего ведома, но от моего имени, как наказного атамана, отдан был группе Янева, прикрывавшей подступы к Одессе с севера, приказ очистить это направление, отойти к Жмеринке и открыть пути на Одессу большевикам. Конечно, это распоряжение отрезало Херсонщину от связей с Директорией и давало возможность начать здесь независимые от нее организаций, но для этого, прежде всего, требовалась уверенность в пребывании в этом районе французских войск хотя бы до окончания этой организации, а такой уверенности после херсонских событий быть не могло. Кроме того, в Одессе сильна была добровольческая организация, и вести украинские формирования было при этом условии крайне затруднительно. Наконец, в Одессе и ее районе были и польские части, и они далеко не сочувствовали созданию украинских сил. В итоге явно было, что в создавшихся условиях подобная попытка могла явиться лишь авантюрой, но не серьезным государственным начинанием.

Желая по-офицерски закончить свои сношения с французским командованием, начатые по-офицерски ген[ералом] Бориусом, спасшим меня от добровольцев, я в связи со всем изложенным отменил данный Яневу моим именем приказ, сообщил об этом полк[овнику] Фрейденбергу и 12 марта уехал из Одессы, чтобы более уже в нее не возвращаться. 17-го марта 1919 года я ушел вовсе с украинской службы и выехал в качестве частного лица за границу, в Галицию.

Вот краткая история переговоров директории с французским командованием в Одессе, поскольку мне приходилось участвовать в этих переговорах и наблюдать события и обстановку того момента. Повторяю еще раз, что своевременно использованная национальная Украина могла быть сохранена от занятия ее большевиками и могла послужить надежной базой для оздоровления всей России без боевого участия иностранных войск, трудами же директории крестьянство Украины доведено было до желания прихода большевиков.

А.П.Греков

ПЕТЛЮРОВЩИНА

Раньше, чем сложилось и приняло свои характерные формы то бытовое явление украинского революционного процесса, которое потом получило имя «Петлюровщина», на этой сцене появилось отдельное лицо — украинский революционный деятель Симон Васильевич Петлюра. Появление его совпало с зарей освободительного движения на Украине, в котором он непосредственно участвовал и которое сразу вынесло его на чрезвычайно трудный и сложный пост первого украинского военного министра. Пост этот труден был и особенно сложен потому, что еще велась Великая война. Украинцы были распылены по всему огромному фронту, вкрапленные в общие российские воинские части. Лишь небольшая относительно часть их была сформирована в так называемые украинизированные корпуса, но корпуса эти были размещены не только на фронтах, прилегавших к Украине, но и на севере. Необычайно характерно происхождение этих украинизированных частей. Они изобретены были на юго-западном фронте весной 1917 года, когда начал ясно сказываться упадок боеспособности русской армии. Стремясь сохранить фронт, командование объявило некоторые корпуса украинизированными, то есть сосредоточило в них украинцев, как элемент наиболее надежный и боеспособный. Когда опыт удался на юго-западном фронте, он был расширен и на другие фронты и дал свой результат, так как украинизированные части последними оставили фронт.

Вдоль западной Украинской границы стояли русские армии двух фронтов — Юго-Западного и Румынского; в отношении их Украина с самого начала войны являлась тыловым и снабжающим районом, переполненным складами и магазинами, запасными частями и дополнительными формированиями, подчиненными частью Верховному Командованию, частью Петроградскому военному министру. Административного аппарата для украинского военного министерства не было никакого. Большая часть старого персонала окружного управления Киевского и Одесского военных округов было явно враждебно украинскому движению. Украина не имела своих воинских частей для внутренней службы и была перенасыщена разлагающимися русскими частями.

Вот та обстановка одновременного небытия и хаоса, из которых надо было путем творчества к организации обеспечить Украине ту живую силу, которая могла бы гарантировать ее существование. А к

этому вскоре прибавилась и явная опасность для ее существования, когда в Петрограде взяли власть большевики, а Украинское правительство их не признало. От украинского военного министра или, как он назывался тогда, секретаря «вийськовых справ», требовалась титаническая энергия, громадная специальная подготовка, организаторский практический талант и сила воли. Все надо было ведь начинать с самого начала, вести работу приходилось, когда кругом хаос и когда все старое против нее. А между тем эту работу надо было выполнить в срок — на севере уже слышны были раскаты большевистских громов против Украины. Правда, у «вийськового» секретаря был неоценимый сотрудник. Сотрудник этот был — масса украинского народа. На фронте в украинизированных корпусах и в других частях, где только были украинцы, не видя и не зная своего министра, они готовы были на него молиться только потому, что это был первый свой украинский министр. Престиж его был колоссален. Имя Петлюры знали все и верили в него. Все украинцы, не привязанные к фронту, массами двинулись в распоряжение своего министра. Из запасных частей, из гарнизонов Петрограда, Москвы и иных всех городов ежедневно в Киев прибывали украинцы. Народ на местах шел с охотой в национальные украинские части регулярного типа ополчения (вильное козацтво). Национальный порыв был всеобщий, жажда практической работы для Украины выявилась с полной реальностью, и материала для организации было сколько угодно. Конечно, фронт нельзя было тронуть, и об этом никто не помышлял, но и помимо его было довольно живой силы, ждавшей лишь, чтобы ее правильно организовали.

Первый украинский «вийськовый» секретарь не справился со своей задачей. Он внес в свою работу все, что мог внести — горячий национальный патриотизм, порой искусство дипломата (например, в переговорах и работе с Верховным Командованием, в руках которого фактически были все украинцы фронта), желание упрочить украинскую свободу и демократический строй новой государственности, верность союзникам бывшей России (ни одна украинская часть не была снята с фронта) и мужество в борьбе с притязаниями большевиков. Но за это свое пребывание у власти он не дал Украине и не мог дать того, что нужно было для самой ее жизни. Он не сумел ничего организовать, не сумел сохранить старые организации.

Центральный аппарат военного министерства, хотя бы в самом примитивном виде, технические данные, орудие, без которого немыслима никакая практическая работа министра, совершенно не был налажен. Большего хаоса, чем творился в коллегии Павла Галагана, где помещалось военное министерство, нельзя себе представить. Всем, кто

имел в то время хоть какое-нибудь касательство к этому учреждению, это хорошо памятно. И при этом личного персонала было везде масса, но боязнь русской тенденции, столь характерная для Петлюры того времени — более партийного деятеля, чем строителя государства — везде поместила лишь партийную молодежь. Колоссальный ежедневный наплыв специалистов всех родов войск и военной техники безжалостно браковался. Предпочитали стажу знания и опыта стаж партийной благонадежности. А этим оттолкнули массу людей дела, которых потом получить для работы на Украине уже не удалось. Отсутствие военной подготовки и всякого фундамента для государственной работы у самого военного министра не дало никакой путеводной линии, никакого творческого плана. шел день за днем, прибавлялось юнцов в бесчисленных отделах и военных управлениях, но аппарата для работы, для воздействия на войска и на страну не получилось.

Местное военное управление было забраковано в своем старом, полученном в наследство от России виде, личный состав разогнан, но нового на месте ничего не создано.

В войсках, которые были на фронте, жизнь шла по старому заученному порядку. Но украинский военный центр в не меньшей мере, чем большевики, внес внутреннее разложение в войска. Петлюра был украинский патриот и социал-демократ. Войска были на фронте. Они подчинялись не украинскому, а Верховному Командованию и по сущности вещей должны были стоять вне всяких политических вопросов, раз их оставляла на фронте сама украинская власть. Но в Киеве создался с прямого благословения Петлюры, в параллель Петроградскому, совет солдатских депутатов. Из войск не только не устранялась, но в них искусственно вливалась политика и политиканство. Войска были свидетелями несогласий между Командованием и своим военным министерством, и ореол последнего подрывал престиж первого в непрерывных конфликтах, а это в корне разрушало дисциплину. Украинскому центру скоро самому пришлось испытывать плоды потери дисциплины, когда с минованием первого угара настало критическое отношение и к своему высокому министру. Дилетанты в деле внутренней, крайне деликатной психологической структуры нормального военного организма, новые руководители вовсе разложили войска. Местные формирования были предоставлены самим себе и частной инициативе. Ни руководящих оснований для организации и службы, ни контроля не было. Плоды немедленно сказались. Тьма авантюристов, прежде всего заботившихся получить кредиты на формирования, а затем присвоить их себе, густой сетью покрыла все территории Украины. Зародился и более дальновидный и серьезный авантюризм. Именно в

это время и в этой обстановке уже стала всходить заря будущего «гетмана всея Украины» Скоропадского, в это время главы формирований «вильного козацтва». Теряется невозградимое время, а, между тем, уже подходит большевистская опасность. Большевики объявляют частичную демобилизацию. Потоки бывших русских войск текут через Украину бандами грабителей, погромщиков, большевистских агитаторов. Нет аппарата военных грабителей, погромщиков, большевистских агитаторов. Нет аппарата военных сообщений, нельзя взять в руки и организовать железнодорожную работу, чтобы выкачать за пределы Украины весь этот разоряющий ее элемент. Нет нигде внутренних украинских гарнизонов и нечем водворять порядок. Вторая половина ноября 1917 года (ст.ст.) и весь декабрь — это сплошное море серых шапок, берущих силой поезда, разбивающих станции, берущих лошадей на фронте и по пути в селах, едущих по грунтовым дорогам, пешими бандами заполняющих дороги, города и села... Сплошное великое переселение народов, и абсолютное бессилие, безволие и неуменье украинского военного центра избавить страну от этого бедствия или хоть облегчить его.

Вскоре подоспевает и открытая война с большевистским правительством. Целые корпуса бывшей русской армии, объявившие себя большевистскими, стояли не только на западной границе, но и внутри Украины (Жмеринка, Казатин, Бирзула, Сарны и т.п.), как наследие бывшего боевого фронта. Отдельные группы неукраинских частей рассеяны по всей Украине. Организованное наступление большевиков ведется и с востока, и с севера, и с запада (со стороны бывшего фронта). А в руках украинского военного министра только случайные обломки старых частей, уцелевшие инициативой своего командного и солдатского состава, и зачатки новых. Нет плана операций, нет руководства и командования. Случайные маленькие и большей частью неумелые командиры пытаются за свой страх выдерживать борьбу, но организация врага сильнее, и кольцо его начинает уже сжимать Украину. Вот обстановка, в которой в началу 1918 года Петлюра под давлением не только парламентских, но и военных кругов (в том числе и совета солдатских депутатов) должен был выйти в отставку. Несмотря на патриотизм и правоверный демократизм, которые в иной области сослужили бы Украине большую службу; несмотря на ореол, окружавший его с первого момента в среде войск, опираясь на который так легко было взять эти войска в свои руки; несмотря на патриотический порыв в народе, использовав который, можно было создать новые войска; несмотря на грандиознейшие склады бывших русских фронтов, обогатившие потом немцев (большевики даже не смогли их расхитить,

так они были велики), — старые части были доведены до разложения, новые не сформированы, а те слабые формирования, которые удалось начать, были без пушек, без винтовок, без снаряжения и одежды. Был военный министр, но не было ни министерства, ни войска, ни военного хозяйства; была лишь правоверная партийная политика, надежда на магические силы, которые сами собой должны были все создать по-новому, и хаотичная работа без плана и системы.

Сам Петлюра не знал при этом отдыха, он работал больше всех в своем «министерстве», приемы в коллегии Павла Галагана затягивались часто до глубокой ночи, совещания и заседания тянулись без конца, и тем трагичнее была безрезультатность всей этой работы. Для масс специальная работа Петлюры, как военного министра, еще не была понятна и не получила их оценки. Для них остался факт существования такого имени на верху украинского войска с первых моментов независимой жизни Украины. Благодаря тому, что в начале его карьеры его имя узнала вся масса украинцев, которая была на фронте и затем при развале его разошлась по всем уголкам Украины, Петлюра имел уже на Украине имя.

Это имя он использовал немедленно по уходе в отставку для новой патриотической задачи — борьбы с большевиками. С начала января 1918 года он по обычаю того момента начал формировать из охотников отряд для отбития у большевиков Харькова. Имя дало свой собственный штаб, дал колорит традиционно-национальной гайдаматчины своим формированиям, получил широкую поддержку от правительства. Обстановка была такая, которая давала возможность сделать серьезное дело, и срок был для этого хоть и небольшой, но все же около месяца.

Когда в январе этот так называемый «киш» Петлюры выступил на практическую работу, то оказался совершенно небоеспособным, а руководство его боевыми операциями — неумелым и неустойчивым. Большевики легко отбили гайдамаков Петлюры и прогнали их далеко за Киев. Правда, та же судьба постигла в тот момент (вторая половина января 1918 г. ст.стиля) и все иные украинские отряды, но и в основе их неудач была, в сущности, вина того же первого военного министра Украины, в свое время их не организовавшего. В действиях штаба и войск Петлюры сказались уже характерные черты, которые явились первым зарождением всей последующей «петлюровщины». Военный дилетантизм, прежде всего. По глубокому убеждению Петлюры, человека абсолютно не военного по своему прошлому (он получил образование в духовной семинарии, служил до войны на частной службе в банке, а во время войны был в составе тыловых санитарно-

гигиенических учреждений), но партийного деятеля, все старое военное искусство должно было смениться новыми военными принципами и сноровками. По его мнению, постоянно им высказывавшемуся и в это время и позднее, в основу нового военного искусства должен был быть положен психологический момент подъема массы. Так было когда-то во Франции, и она покорила мир и идеями, и оружием. Да, но во Франции во главе дела был военный гений, который создал действительно новый самобытный этап в военном искусстве. Здесь же дальше общего места, фразы дело не пошло; в чем именно на практике использовать этот психологический момент — осталось тайной, и войско на деле не оказалось воском. Усвоено было лишь от главы до последнего подчиненного единственно доступное для их технической невежественности общее отрицание всего того старого, что всегда давало силу всякому войску, но налагало неприятные обязанности и стеснения. Посев этого дилетантства в военном деле, скрытие своей слабости и неподготовленности за фразами демагогии, посев, который нашел такую благоприятную почву в взбаламученном море революции, когда на верх и на руководство выводила сплошь и рядом не работа и не талант или знания, а темперамент и партийный апломб, — был первым актом воплощения в жизнь «петлюровщины», как целого бытового течения, системы строить Украину на особых своеобразных началах. Презрение к всечеловеческим и вечным принципам и к устоям военного дела и военного искусства, не только непонимание, но нежелание понять их, военная невежественная развязность, если можно так выразиться, — вот лозунг, брошенный в практику в этот исторический момент авторитетным именем, который прочно был воспринят подходящей средой и лег первоосновой зачинавшейся «петлюровщины».

Борьба с большевиками петлюровским формированиям не удалась. Выступил реально второй характерный признак «петлюровщины» — вечные неудачи всех практических начинаний Петлюры. Уже второй акт его государственной работы окончился для него крахом — судьба, которая не изменилась и в дальнейшем. Природа мстила за себя, забвение и игнорирование положенных ею в основу жизни мира законов естества не проходит и не может пройти безнаказанно.

Обрисовалась, хотя пока лишь только в зачатке, третья черта, характеризующая «Петлюровщину» — партийность и фаворитизм в работе, хотя бы сущность этой работы и не соответствовала вовсе применению к ней партийных мер. Петлюра начал приближать к себе сотрудников не по принципу пользы дела, а по соображениям партийным и личным симпатиям. Около него основывается уже та клика, которая потом приобрела на Украине такое позорное имя. Здесь, напри-

мер, зародилась его близкая связь с будущим чрезвычайщиком его Чеботаревым. Правда, при нем в этот период есть и настоящие военные специалисты (например, Кирей, Удовиченко), но его тайный кабинет, с которым он решает дела и которому верит — это партийные юнцы и почитатели его личных талантов. А отправные соображения, повелевающие его стратегией и тактикой, — не военные, а партийно-политические расчеты и комбинации. Это постоянное смешение военного дела и политиканства, и притом часто мелкой личной политики самого Петлюры и ближайших его фаворитов, — черта, положившая на характерный для «Петлюровщины» фаворитизм несмываемую печать невежественного политиканства и принесения военных задач и соображений в жертву задачам и соображениям самого мелкого, ничтожного интриганства.

Наконец, в этот же период обрисовалась, и довольно ярко, четвертая черта «Петлюровщины» — вера в Мессианизм Петлюры для создания Украины, проникающий и его самого, и окружавшую его клику. Трудно сказать, на каких основаниях — вероятно, как результат головокружительного для маленькой заурядной личности успеха первых моментов революции — у Петлюры твердо сложилось убеждение, что только он тот титан, которому по силам создать Украину. Факты, казалось, уже в этот новый период его мессианизма достаточно давали прямо обратных материалов. Но в комбинации с фаворитизмом (для которого было так выгодно играть на слабости патрона для отношений с ним и так выгодно было создавать ореол этому прочно захваченному в руки слабовольному патрону, игрушке в руках своих фаворитов) — мессианизм был подогрет, вспоен и вскормлен и глубоко засел в душе самого украинского мессии. В этот период зачатки мессианизма проявились в рекламном вступлении в Киев при минутном успехе, прокламациях и воззваниях за подписью крупным шрифтом спасителя отечества. Трагикомическая черта «Петлюровщины» — увы, парадные вступления Петлюры в Киев потом много раз повторились в еще более рекламной обстановке, но они всегда были прологом к скорому и совсем не парадному и не рекламному выступлению его из Киева.

Настал период Брестского мира, вступления немцев на Украину, падения Центральной Рады и воцарения Скоропадского. Петлюра отошел в тень. Правительство Центральной Рады кратко приняло к сведению прокламации Петлюры и его торжественное вступление в Киев и начало на него смотреть подозрительно. Немцы считали его антантофилом, так как он, будучи военным министром, не снял украинские войска с фронта. Скоропадский смотрел на Петлюру, болезненно боясь всякой тени соперничества. Петлюра перенес свою работу в

подполье. Он не пошел ни на какие комбинации с немцами, это несомненный исторический факт, и не примирился с скоропадовщиной. Он повел тайную революционную пропаганду и против гетмана, и против немцев. Здесь он был в своей истинной сфере патриота-революционера. Работа дала результаты в подготовке к движению против немецкой оккупации и гетмана. Украинское общество забыло за эту работу все прежние тяжкие грехи Петлюры, как военного деятеля, и в день парадной панихиды по гетмане Мазепе, собравшей на Софийскую площадь весь патриотический украинский Киев, Петлюре были сделаны толпой овации. Факт этот сразил в самое сердце Скоропадского, и он посадил Петлюру в тюрьму, тем, создавая ему еще большее имя для будущего.

В тюрьме Петлюра учится военным наукам. Он с увлечением читает и даже переводит с русского на украинский язык попадающиеся ему военные книжки. Но все это изучение, конечно, без системы и без руководства, а потому и без прочного влияния.

Настают последние дни Скоропадского и немцев. Украинский Национальный Союз готовит восстание. Уже тайно выбрана Директория. В момент уступчивости, Скоропадский выпускает Петлюру из тюрьмы, и Национальный Союз немедленно включает его в директорию, как яркого борца, так пострадавшего за свои убеждения. Наступает открытый разрыв с гетманом и начинается всенародная борьба против него и немцев. Это — период кульминационного восхождения звезды Петлюры и блеска его имени в украинских народных массах и, как и первые два, период третьей полной его неудачи на практическом государственном поприще.

Фактическая история этого важного момента украинской революции такова.

Доведенный до предела своего терпения эксцессами немецкой оккупации и правительства Скоропадского народ явно готовился к открытому восстанию. С самого водворения немцами своего ставленника в Киеве народные восстания, ввиде местных вспышек и оазисов непрерывных восстаний, с которыми не могли справиться даже немецкие регулярные войска, не прекращались ни на один момент. К осени 1918 г., когда чаша народного терпения уже окончательно переполнилась, это движение начало с каждым днем шириться. Верно чувствуя пульс народной жизни, украинский национальный Союз, после долгого ряда попыток привести гетмана путем переговоров к перемене его ненациональной и жестокой политики на национально-демократические принципы — попыток, которые не дали абсолютно никакого результата — решил без колебаний и новых бесполезных

примирительных шагов пойти за народом. Выражая волю его, он объявил гетмана Скоропадского узурпатором и выбрал из своей среды директорию, которая тайно выехала из Киева в Белую Церковь, где приступила к организации народного повстанческого движения. Каждому члену директории поручено было ведать категорией вопросов, к которой он был наиболее подготовлен своей предыдущей деятельностью. Военная часть была поручена члену директории Петлюре, как человеку, имевшему уже отношение, хотя и мало удачное, к военным делам и известному в массах народа еще с первых моментов революции, когда он был военным министром. Голова директории Винниченко никогда не скрывал своего резко критического отношения к военным талантам Петлюры, но в тот горячий момент другого выхода не было. Прочие члены директории уже абсолютно никогда такого отношения к военному делу не имели.

Петлюра с полным патриотическим одушевлением пошел за народом в его освободительном порыве. Здесь он снова оказался в своей сфере революционного трибуна и принес несомненную пользу делу, подогрев до максимума народное настроение и популяризацию себя, как центра, около которого должны были группироваться все восставшие. В этот момент по всей Украине повторялось его имя, и он был близок уже к общему признанию его народным героем, хотя практического блестящего дела никакого им и не было сделано. Но взрыв народного негодования против германо-скоропадовщины был так грандиозен, что имя антипода ее одним уже этим являлось именем желанным и народным. Как это ни странно, легкость переворота, полное бессилие и Скоропадского и немцев, в среде которых началось уже в это время внутреннее разложение, быстро лишили Петлюру этого высокого имени. Восстание прошло одним взмахом. Петлюра снова въехал в Киев среди оваций. Но народ, поднявшийся, как один человек, против своих угнетателей, пришедший делать народное дело, очень скоро убедился, что ему не дают никакого практического дела, его порыв и настроение его — удар по воздуху, и он стихийно начал покидать армию и расходиться по домам.

Здесь оказался третий и самый серьезный экзамен государственного и военного таланта Петлюры, на этот раз уже принявшего звание Украинского Главнокомандующего (головного атамана). Судьба привела ему в руки весь украинский народ, и он не сумел этим воспользоваться для государственной работы и ничего не дал народу, кроме воззваний и парадов. Правда, Скоропадский пал в одно мгновение, но Украина была еще перенасыщена ненавистными немецкими войсками; она была вдоль половины своей границы окружена большевиками, с

которыми не мирилась ни на минуту. В период народного восстания против немцев и Скоропадского в Черниговской и Харьковской губерниях одновременно ни на момент не прерывались военные столкновения с большевиками. Украине, сбросившей иго оккупантов, надо было обеспечить свою жизнь, создав свою украинскую армию. Народ инстинктом понял это и сам всем миром пошел на это. Казалось, это не было так сложно при таком условии, тем более, что запасов амуниции и одежды было колоссальное количество. Закрепив жизнь Украины созданием ее национальной армии, Петлюра действительно мог получить право на имя создателя ее самой, как государства. Между тем, когда Скоропадский пал и та внешняя видимость борьбы и работы, которая еще импонировала массам, исчезла, все сразу увидели огромное пустое место там, где предполагалось приложить столько национальных сил. Увидели, что собрались даром и не делают никакой государственной работы, подождали еще некоторое время, ничего не дождались и, осудив того, кто только что едва не сделался героем, понесли по домам казенную одежду и винтовки, полученные его распоряжением. (Автору этой статьи пришлось, например, быть очевидцем, как в Кременчуге запасные по первому призыву Петлюры пришли со своим оружием и даже пулеметами и пять дней жили под открытым небом, так как по нераспорядительности местного начальства им не отвели помещений, а дело было в половине декабря по новому стилю и были уже сильные морозы; тем не менее никто не подумал уйти домой, хотя это можно было сделать совершенно безнаказанно, и все дождались отправки на фронт)

В чем же трагедия момента, казалось, столь блестяще благоприятного для мессианистической роли Петлюры, трагедия «Петлюровщины», именно в эту эпоху распустившейся пышным цветком?

Первый ее признак — дилетантизм военный — сказался в полной мере. К работе по созданию армии не сумели даже приступить, чтобы из повстанческого ополчения сделать регулярное войско, и буквально упустили блестящую возможность. Военно-административный аппарат, налаженный было вполне сносно еще до переворота Скоропадского и им не разрушенный, был уничтожен одним росчерком пера Петлюры. По вступлении в Киев им был отдан приказ уволить весь старый личный состав всего военного министерства, включая и командные должности, и набрать новый; при этом дискреционный контроль этого нового набора вверен был полуграмотной, а часто и вовсе неграмотной в военном деле партийной молодежи и фаворитам головного атамана. Результат сказался прежде всего в том, что всякая работа центрального военного управления прекратилась почти на месяцы, а затем попала в

руки таких специалистов, с помощью которых никак не могла наладиться до самого оставления Киева украинским правительством.

За этот период восхождения Петлюры на более высокие ступени государственной деятельности к военному дилетантизму только прибавляется еще дилетантизм государственный. На международные отношения, на внутреннюю жизнь, на финансы страны — тот же взгляд революционного глашатая громких фраз и принципов, когда же надо переходить к практическому делу — полная немощность сделать что-либо реальное, действительно созидательное. За границу посылаются непосредственно от Петлюры доверенные фавориты с секретными полномочиями и заданиями, иногда — молодые люди без всякой подготовки к такого рода работе и даже обычно без знания языков. Даваемые им директивы, плод личных вдохновений головного атамана, с этой областью государственной работы столь же мало знакомого, как и с военной, обычно не создавали твердого положения импровизированным дипломатам, что, в конце концов, дало свои, всем известные практические результаты.

Внутри страны — бездействие, полное отсутствие практических военных реформ и какой-либо планомерной работы. От народа даже скрывается истинное положение страны. Когда на трудовом конгрессе военный министр нашел в себе гражданское мужество открыть представителям украинского народа истинное положение дел на большевистском фронте, он получил за это суровый реприманд от демократического представителя народной власти. Денежные средства расточаются без смысла и жалости. Формирование, например, так называемого корпуса железнодорожников, не говоря уже о том, что отняло специалистов от своего прямого дела, стоило феерических цифр, и все для того, чтобы затем, поступив под команду адъютанта Петлюры Беня (бывшего в мирное время кельнером, а в военное австрийским сержантом и сразу произведенного Петлюрой за личные услуги в генералы), при первом же боевом крещении рассыпаться. И это лишь случайный пример; при желании аналогичных фактов можно привести бесчисленное множество. Достаточно вспомнить хотя бы, во что обошелся Украине так называемый корпус «сичевых» стрельцов, оказавшийся таким военным ничтожеством на фронте.

В этот период и второй признак «Петлюровщины» — фаворитизм —входит в полную силу. Около головного атамана складывается целая клика своих людей, которая, явно преследуя мелкие личные интересы, плохо скрываемые за патриотическими рекламами, крутит ему голову лестью и открыто ведет пропаганду вручения ему, а следовательно самим себе, диктаторских полномочий. Личные адъютанты, раз-

ные доверенные тайные советники и наушники, партийные старые приятели — все это твердо становится вокруг головного атамана, изолируя его от всех и всего, и оказывается не только выше закона, но и выше морали и часто простой порядочности. А силы воли, твердых принципов и личного влияния, чтобы дисциплинировать всю эту банду, у головного атамана нет. Сам того не замечая, он делается игрушкой и в руках своих непосредственных приближенных, и в руках так называемой рады «сичевых» стрельцов — кучки галицкой зеленой молодежи из бывших австрийских военнопленных, превратившейся покровительством головного атамана в вершителей судеб всей страны и, в частности, ее столицы. Заботой Петлюры сичевыми стрельцами в Киеве заводится чрезвычайка, не лучшая большевистской, в их руки передается все гражданское население города, и произвол, беззаконие и самодурство начальника чрезвычайки Чайковского возводится в правило в народной и демократической Украинской республике. Сам голова директории Винниченко открыто признает свое бессилие против клики, окружающей головного атамана, и, в частности, против сичевых стрельцов. Итог этой системы фаворитизма, переходящего тотчас в попустительство дурным инстинктом, всем известен скорбными этапами от Киева до Ровно и Каменца, а затем и далее.

Характерный третий признак «Петлюровщины» — ее Немезида, постоянная неудача всех созидательных государственных начинаний, за которые брался Петлюра, — налицо и здесь. Деятель революции, вынесенный ее волной выше уровня, нормально предуказанного ему судьбой, он типичный революционер, то есть разрушитель, и трагизм его в том, что, даже пытаясь создать, он только разрушает и разлагает, так как это его истинная стихия. Без этой черты даже его циничный фаворитизм не дал бы таких широких результатов, но именно благодаря ей, благодаря восприятию ее всей кликой приближенных, он обратился в орудие разрушения не только украинской державности, но и самого доброго имени Украины и за границей, и внутри своей собственной страны. Добровольно и упущены. Готовый аппарат министерства разрушен и не налажен. Новые формирования не идут, и народ уклоняется от них. На большевистском фронте сплошные неудачи и отступления. Знаменитый сичевой корпус оказывается пригодным только для терроризации мирных жителей и неудержимо бежит перед большевистскими бандами. Оперативного руководства нет никакого, так как головной атаман желает руководить всем сам и вносит только путаницу и разложение на фронт. Жизненные факты говорят сами за себя — менее, чем через два месяца после своего парадного вступления в Киев, Петлюра и его войска должны сдать его большевикам.

И, несмотря на всю трагическую убедительность реальных фактов и явно наперекор ей, именно в этот период начинает особенно культивироваться и самим Петлюрой, и его кликой идея его мессианизма. Он не замечает, что он уже пережил свои лучшие дни — те дни, когда он писал воззвания к народу для свержения Скоропадского и когда народ, свергая своего ненавистного врага, думал один момент, что в этом национальном деле его привел к успеху Петлюра. Он не замечает, что теперь фактами оставления его армии и нежелания вновь идти в нее, местами даже предпочитая большевиков домашней безурядице и беззаконию, украинский народ уже осудил его и больше не вознесет на пьедестал героя. Он сам не сознает, что в принципе ничего не может дать народу. Наоборот, Петлюра этого периода — уже определенный пролог к последующей мании величия, возраставшей по мере сокращения его военных сил. И эта мания печальна тем, что превращает идеологию человека, готового когда-то положить голову за народ, в идеологию ярого абсолютиста, видящего в народе только средство для своих достижений; психологию демократа и народовольца она превращает в психологию мелкого интригана и чрезвычайщика; наконец. святой огонь патриотизма она перерождает в своекорыстный эгоизм. Опять здесь жизнь говорит сама за себя всеми известными фактами и самим ярким из них — новой, появляющейся именно в этот период характерной чертой «Петлюровщины», разрывом ее с народом, превращением в среде этого народа имени Петлюры из кандидатов в народные герои сначала во всенародное посмешище, а потом и в ненавистное имя, подводимое под одну рубрику не только с именем Скоропадского, но и с именем большевистских разорителей Украины. «Петлюровщина», полонившая своего героя и эксплуатирующая его, толкает его в этом направлении все ниже и ниже по наклонной плоскости. А отсутствие силы воли, характернейшая личная черта Петлюры, и полная политическая беспринципность, как итог его индивидуального развития и прогресса за время его государственной деятельности, не только не ставят никаких преград и пределов этому натиску, а, наоборот, превращают именно его самого в первого глашатая и проводника идей «Петлюровщины».

В последних числах января (ст. стиля) 1919 г. Петлюра выехал из Киева вслед за остальными членами директории и всем украинским правительством. Начался период, подготовительный к переходу его на положение фактического главы украинского правительства. Этот Винницко-Проскуровский период ознаменовался со стороны фактической: уходом из директории Винниченко, настойчивым ведением переговоров с французским командованием в Одессе, непрерывными неудача-

ми на фронте и потерей его понимания действительной обстановки. В отношении «Петлюровщины» период ознаменовался буйным ростом и углублением корней этого чужеядного растения, ростом, обратно пропорциональным успехам украинского оружия и украинского дела и прямо пропорциональным успехам большевиков.

Военный дилетантизм и, как результат его, хронические военные неудачи в полной мере проявляют себя за все это время. Апофеозом стратегического «гения» Петлюры и его помощников явился приказ командующему южной группой украинских войск Яневу, имевшему фронт восточнее линии железной дороги Жмеринка-Одесса, очистить этот фронт и перейти в Жмеринку. Приказ был дан, когда в Жмеринке был штаб Петлюры и когда, исполняя его, Янев открыл бы большевикам ворота на Могилев-Подольский, прямо в тыл Жмеринке и Проскурову, и на сообщения армии, базировавшиеся в это время на Волочиск. К счастью для украинской армии, приказ этот не был исполнен.

Дилетантизм политический принимает в этот период уже широкие практические формы и приводит к такому же результату, как и дилетантизм военный — к полной неудаче всех политических начинаний. Уход Винниченко делает Петлюру фактическим головой директории. Он ведет основную политическую линию — соглашение с французским командованием в Одессе. Выясняется, что представители Франции не находят возможным заключать какие-либо соглашения с украинской директорией, пока в составе ее Петлюра. Винниченко в такой же обстановке нашел в себе силы поступиться для государства личными соображениями. Петлюра этого сделать оказался не в силах, старая честность уже была затуманена идеями «Петлюровщины». Мало того, ведя еще переговоры с французами, он отдает указанный уже приказ Яневу, не предупреждая о нем французское командование и этим выводя на Одесскую железнодорожную линию большевиков на всем пространстве от Вапнярки до Раздельной. Наконец, добиваясь помощи Франции, он одновременно находит возможным командировать Мазуренко в Москву для переговоров с большевиками. Разносторонность, по меньшей мере, достойная удивления, и политическая нечестность и неумелость более, чем достойные удивления. Естественно, что в такой обстановке лопаются комбинации и с французами, и с большевиками.

Фаворитизм и его лейтмотив — «мессианизм» — Петлюры набирают новые силы. Все честное и независимое вытесняется преклоняющимися перед талантами головного атамана. Петлюра окончательно проникается верой в себя и высокое свое призвание и все более и более переходит на политику личных своих аспираций. Он не в силах

справиться ни с военными, ни с международными политическими задачами; внутри страны, уменьшающейся для него с каждым днем, он абсолютно уже бездеятелен и беспомощен. А между тем работой своей клики он все более и более централизует в своих руках всю правительственную власть, если можно так назвать тот призрак власти, около которого он топчется. Клика все более и более пропагандирует идею провиденциальности для спасения и возрождения Украины личности ее главы. Для несогласных с этими идеями скоро заводится формальная чрезвычайка, и веру в мессианизм Петлюры начинают пропагандировать застенками Чеботарева. Постепенно складывается в окончательную свою форму беспринципная, гибельная для страны и проклинаемая украинским народом, но пригревающая огромную банду авантюристов и просто карьеристов (часто ради хлеба насущного) «Петлюровщина». В народе имя Петлюры уже не имеет никакого веса. Лишь далеко на левом берегу Днепра, где о нем знают только понаслышке и знают со старого еще времени, это имя пока еще повторяется со смутными надеждами, но правый берег уже отказывается идти в петлюровские войска и бежит от них, разбирает рельсы на путях петлюровского поезда и охотнее (как, например, на Подолии и Волыни) соглашается иметь дело с большевиками, которых, правда, пока не знает на опыте, чем с Петлюрой, которого уже слишком хорошо знает. При отступлении из Жмеринки в Проскуров и затем на Старо-Константинов три раза поезд Петлюры пытались опрокинуть местные крестьяне, разбирая на его пути рельсы. Разрыв Петлюры и «Петлюровщины» с украинским народом с этого периода становится уже окончательно совершившимся фактом.

Следует период Ровенско-Каменецкий, период окончательного фактического воцарения на Украине или, вернее, на незанятом большевиками участке ее, тогда достигавшем размеров менее одного уезда, Петлюры в период наиболее широких неудач и крахов для украинского дела.

Военный дилетантизм лишь прогрессирует, и выживаются из украинской армии последние специалисты. Колоссальные и непрерывные военные неудачи, приведшие к июлю месяцу 1919 года (ст. стиля) состав петлюровской армии к 2000 штыков и сабель, достаточно всем известны и говорят сами за себя.

Политический дилетантизм изолирует петлюровскую Украину от всех международных поддержек, а внутри приводит к вакханалии партийных счетов. Остапенко, Мартос, Мазепа, О.Макаренко и проч., и проч. ведут борьбу между собой, арестовывают друг друга, интригуют, готовят перевороты, объявляют широчайшие реформы и про-

граммы, и все это на пространстве одного уезда; да и на этом малом пространстве дело не идет дальше разговоров и интриг, а в жизнь ничего не умеют и не могут провести. Сдержать эту вакханалию Петлюра не только не в силах, но сам вызывает своим слабоволием и неустойчивостью своих политических взглядов.

Фаворитизм окончательно пышно расцветает. Чеботарев неудержимо стремится к идеалу — превзойти Дзержинского. Доносы, подозрения, обвинения и вымогательства, пытки, расстрелы без суда или с цинической видимостью суда — вот характерные, всем памятные, гнусные черты этого периода.

Между тем, мессианизм Петлюры возводиться его кликой в культ. С его именем объединяют имя Украины, по старой формуле Людовика 14-го, и вне его не признают ничего. Разгул и засилье банды адептов и спекулянтов на фигуре и имени головного атамана доводит до апогея «Петлюровщину». Петлюра высказывает желание короноваться в украинские короли. (Автор мог бы привести имя его собеседника: официального лица Галицкого уезда в Тарнополе, которому так же, как и многим другим, Петлюра лично высказывал эту идею. И эта блестящая идея высказывается, сидя уже не на украинской территории, которая вся была потеряна в этот момент. Необычайно характерная черта маниакального мессианизма).

Украинский народ определенно и резко отходит от Петлюры. Ему приходится, например, в Каменце охранять себя почти всем наличным составом своей армии, так как окрестные деревни весьма недвусмысленно высказывают намерение уничтожить его с корнем. Эта эпоха, апогей “Петлюровщины”, также и апогей развала украинского дела.

Правда, в это время Петлюре случайно повезло, и он едва не выкарабкался опять в герои, но, верный самому себе и характерным свойствам созданной им и около него «Петлюровщины», и здесь все же в конце концов он все провалил и погубил. По недоумию и политической трусости так называемого галицкого диктатора Петрушевича, Петлюре в начале июля 1919 г. (ст. стиля) удается в такой мере заимпонировать названному диктатору, что тот приводит в распоряжение гибнущего уже от бессилия головного атамана почти стотысячную, блестяще организованную сравнительно с петлюровскими обломками Галицкую армию. Для Петрушевича, жалкого провинциального адвоката и грошевого политика из кунсткамеры довоенного австрийского рейхстага, хотя и называвшегося громким именем диктатора, фигура Петлюры уже величина, Петлюра уже имя, державный украинский авторитет; он пасует перед ним и сдает в руки Петлюры и «Петлюровщины» свое войско, сдает на ту определенную уже всем предыдущим

историческим процессом судьбу, которая всегда для Петлюры и «Петлюровщины» трагически одна и та же — гибель и неудача. Галицкая армия гонит большевиков и вступает в Киев. Однако скоро уже, начав с успехов, Галицкая армия, совместными трудами Петлюры и своего злополучного диктатора, кончает плачевным распадом. Диктатор, погубив армию, бежит за границу, Петлюра вслед за ним предпринимает то же. И до какой степени далеко оторвался уже Петлюра от украинского народа, показывает больше всего именно этот момент. Восстания Григорьева и других почти очистили Украину от большевиков; Петлюра имел в руках Галицкую армию и все же ничего не сделал для Украины и не мог сделать — жертва своей собственной «Петлюровщины», положившей непроходимую пропасть между ним и украинским народом. И это ведь все объективные исторические факты; нет более сурового судьи, чем беспристрастная история, и вот ее материалы, сам предрешающий несомненные выводы.

Наступает момент формального распада директории, фактически уже более полугода самоупразднившейся. Все бегут за границу, расхищая народную казну. Петлюра остается один, но, движимый своим мессианизмом и хватающимися за него приближенными, слишком привыкшими к произволу и приволью, чтобы без борьбы расстаться с этим, судорожно ищет выхода из созданного им же самим тяжкого положения. Впервые за всю политическую деятельность Петлюры ему приходит действительно жизненная для украинского дела идея — союз Украины с Польшей. Переговоры завершаются успешно, дается широкая помощь, и Петлюра опять торжественно вступает в Киев, чтобы по священному уже обычаем порядку тотчас из него выступить. Поляки воочию сталкиваются с «Петлюровщиной» и убеждаются на опыте в ее роковых свойствах. Военный дилетантизм «Петлюровщины» не дает не только тех результатов, которых можно было ожидать, но вообще не дает никаких результатов. За спиной польской армии Петлюре по обычаю не удается создать ничего мало-мальски серьезного ни в военном, ни в политическом отношении, и когда отвлеченные опасностью для своей страны польские войска были вынуждены покинуть Украину, Петлюра остался все в том же беспомощном положении, как и перед началом наступления на Украину весной 1920 года. Разрыв с народом дает себя явно чувствовать отрицательным отношением к новому предприятию Петлюры. Народ не идет за ним, не дает ему никакой поддержки и больше не верит ему. В итоге даже счастливая политическая идея в комбинации с «Петлюровщиной» приводит лишь к отрицательным результатам. Верный себе, своей вере в свой мессианизм, он, может быть, и искренно убеждает правительство Варшавы,

что вся Украина подымится по мановению его руки. Но горькая жизненная правда констатирует иное, и союзники оказываются просто обманутыми. Договор 22 апреля 1920 года не дает им ничего, кроме разочарования, и не спасает положения самого Петлюры. С поразительной выдержанностью история «Петлюровщины» сохраняет свой основной тон и до мелочей остается верной себе.

Поляки не бросают Петлюру после его неудачи на Украине и дают ему пристанище. Казалось, жизненные факты должны бы были убедить украинского самозванного мессию в полном провале его мессианизма. На деле, однако, это не так. Для самого Петлюры горько мириться со скромным уделом маленького частного человека после такой шумихи около него, хотя и чисто рекламного, грубо-крикливого характера. Клике, собравшейся вокруг него, переход в прежнее ничтожество также мало соблазнителен. И вот новая и последняя авантюра за счет Украины, ее народа. Рекламно готовится широкое восстание; подаются ноты всем правительствам мира, с рекламой того, чего не было, а что действительно было, то замалчивается. А был последний публичный акт «Петлюровщины». С легкомыслием, достойным лучшей участи и непростительным для мессии с несколькими поучительными годами мессианства за спиной, бросается на смерть от большевистских пуль кучка доверчивых украинских военных элементов. Им внушается, что народ бросится к оружию при первом кличе Петлюры. И все кончается феерически быстро, народ не только не шевелится за Петлюру, но гонит всех, кто выступает с его именем. Слабые кучки войск в лучшем случае распыляются, а то платятся жизнями в чрезвычайках. Приносится выгода только большевикам, результат же выступления мессии неумолимо тот же, что и всегда — неудача и гибель всего лучшего, что идет за ним.

Легенда обаяния на Украине имени Петлюры, усердно так пропагандируемая его петлюровцами не только в одной Польше, легенда, которой многие готовы были серьезно верить, оказывается продуктом «Петлюровщины» со всеми соответствующими характерными свойствами. Имя, когда-то, на заре украинской революции, вызывавшее в среде украинцев подъем патриотического настроения, изжило себя, выветрилось, стало абсурдным и вредным переживанием; его единственным созданием является лишь роковая для Украины «Петлюровщина». И не будет оправдания истории для самого первоисточника и основателя «Петлюровщины», так бессмысленно отыгравшего историческую роль таких колоссальных возможностей для его родины и для него самого.

А.П.Греков

ВОСЕМЬ ЛЕТ В ССЫЛКЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Судьба дала мне возможность увидеть собственными глазами ход государственной и народной жизни в Советском Союзе. В 1948 г. я был арестован в Вене советскими представителями и увезен в Союз, где меня продержали больше восьми лет в разных концлагерях. Конечно, в тюрьмах и лагерях нельзя было наблюдать за всем, происходившим в стране, так, как находясь на свободе, но все мое пребывание там лагери были настолько переполнены представителями всех слоев населения и всех народностей Союза, и эти массы так непрерывно пополнялись, что общение с ними можно в основном считать общением с самим народом. Непосредственное же соприкосновение со свободным народом, хотя короткое и ограниченное, со своей стороны до некоторой степени пополнило впечатления и наблюдения во время заключения.

Мои воспоминания написаны в биографически-хронологическом порядке, и я привожу только то, что я сам лично видел и пережил. Это не теоретический трактат и не полемическая статья, а перечень подлинных фактов и характерных явлений, которые говорят сами за себя.

Когда 20 сентября 1948 г., в Вене, я попал в руки советской контрразведки, меня увезли в главную квартиру советских оккупационных войск в Австрии, которая находилась в Бадене, курорте в 26 километрах от Вены. Там меня привели в комнату для подследственных арестантов и оставили под надзором вооруженного солдата. К полуночи пришел майор и приказал мне до рассвета написать мою биографию. Около восьми часов утра он пришел опять и, прочитав то, что я написал, заявил мне, что ему поручено произвести следствие относительно моей антисоветской деятельности и что по приказу советского прокурора я остаюсь под арестом.

Я был очень удивлен, что лишь теперь, в 1948 г., когда мне было уже почти 73 года, начинается следствие по поводу моей работы на Украине в 1917-1919 гг., тем более, что я уже стал австрийским подданным. Но эти мои замечания следователя не интересовали, и допрос продолжался почти до вечера, причем еды мне никакой не дали. Вечером следователь лично отвел меня в дом напротив, где была тюрьма, и передал фельдфебелю, который основательно обыскал меня, взял все, что было в карманах, отрезал все пуговицы и, по приказанию следователя, повел меня в одиночную камеру номер 1. Мы пошли в подвал, открылась тяжелая железная дверь, и я очутился один в довольно бо-

льшой, совершенно пустой комнате с бетонным полом, покрытым на несколько сантиметров водой; с потолка медленно и непрерывно капала вода. Хотя я был очень утомлен допросом и уже второй день ничего не ел, я решил всю ночь ходить взад и вперед, так как нигде не было сухого места, где можно было бы сесть или лечь. Но этот план мне не удался; как только раздался отбой — сигнал ложиться спать — в двери открылось маленькое окошечко и тюремщик грубо приказал мне лечь. — Да где же мне лечь? — спросил я. — Там, где стоишь, — с хохотом ответил тюремщик. - Дай мне хоть соломы под голову, — попросил я. — А ты подложи свою шляпу, а теперь довольно разговаривать.

Таким образом, я провел вторую ночь под арестом, лежа в воде, подложив локоть под голову и без сна. Утром меня повели к следователю, который старался признаться меня в планах и данных, которые мне были совершенно неизвестны; очевидно, он хотел найти еще какие-нибудь причины для обоснования моего ареста, кроме моей деятельности 30 лет тому назад, что ему не удалось. На этот раз допрос кончился в полдень, и мне после двух дней без еды дали наконец котелок супу и кусок хлеба. Затем меня отвели в другую одиночную камеру, также совершенно пустую, но без воды и с деревянным полом, окно было без стекол, но с толстой решеткой. На следующий день был опять допрос, и так каждый день до 6-го декабря. Я должен сказать, что методы моего допроса не носили физически насильственного характера, в отличие от методов следователей, о которых мне позже рассказывали другие заключенные и о которых свидетельствовали синяки, открытые раны и поломанные кости. Застенков, о которых многие говорили, я не видел.

Через несколько дней, в мою камеру привели других арестантов, и под конец нас было шесть человек в таком маленьком помещении, что ночью мы могли лежать на полу только плотно один рядом с другим. За все время заключения в Бадене, с сентября по декабрь, нас ни разу не вывели на свежий воздух, и поэтому окно без стекла было даже приятно, пока не наступили холода. Мы также ни разу не могли сменить белье или одежду. Как я был одет при аресте, по летнему, так меня и повезли дальше. В те дни, когда была баня, наше белье и одежду брали уже утром для дезинфекции, и мы иногда должны были сидеть до полудня в костюме Адама, дожидаясь нашей очереди, а затем нас вели по длинному коридору в подвал, где было нечто вроде бани, и разрешали помыться 15 минут.

5-го марта мой следователь сообщил мне, что допросы не дали материалов, чтобы предать меня военному суду, и что для дальнейшего следствия я буду отправлен в Киев. Меня посадили в “черного во-

рона" и отвезли в местечко Нейнкирхен, в 60 километрах от Вены, где составлялись этапы для отправки в Союз. Через несколько дней я был присоединен к транспорту арестантов, который шел через Будапешт, Чоп и Стрый на Львов. До Чопа мы ехали в итальянских вагонах, которые были внутри разделены проволочной сеткой на три части: в середине находились четыре вооруженных солдата, а место для арестантов было с каждой стороны разделено нарами, так что нас там помещалось по десять человек внизу и по десять наверху; можно было только сидеть, а ночью лежать, вставать и говорить запрещалось. Лежать надо было лицом к часовым, а для того, чтобы повернуться на другой бок, надо было спрашивать разрешение. Еда состояла из хлеба и селедок. В вагоне было очень холодно, а мне при выезде выдали только совсем старую шинель; в пути я отморозил себе ноги. Во время бессонных ночей я прислушивался к разговорам часовых; эти солдаты ничего не имели общего с прежним, так хорошо мне знакомым типом солдата, у них не только были совсем другие интересы и заботы, но и язык их был совсем иной и совершенно бессмысленно переполнен ругательствами и непристойными выражениями. Можно было подумать, что это случайно в этой маленькой группе, но позже в лагерях и в поездах я наблюдал тот же грубый язык, даже среди детей.

Таким образом, мы ехали целую неделю до Чопа, где нас пересадили в русские вагоны для перевозки скота. В нашем вагоне было 80 человек, но не было надзирателей и можно было себя чувствовать свободнее, хотя и производились постоянные проверки.

Через Карпаты мы ехали только днем, а ночью стояли на станциях, так как в то время на Украине шла повстанческая борьба и бывали случаи, что повстанческие организации нападали на поезда и освобождали арестантов. Ночью поезда были окружены солдатами, которые все время стреляли для отпугивания предполагаемых нападающих.

Во Львове наш этап был размещен по баракам, уже переполненным пленными и так называемыми "добровольными переселенцами". Это были семьи, члены которых находились в ссылке, и "добровольно" выбранные ими места для переселения были или степи Казахстана, или Сибирь. В бараках были также молодые парни, частью почти еще дети, которые "добровольно" ехали из Венгрии на работу в шахты Донбасса.

Через несколько дней, наш этап был сформирован и направлен дальше на Киев, куда мы приехали через 36 часов. Там нас посадили в «черных воронов» и начали развозить по тюрьмам. Меня высадили в так называемой внутренней тюрьме МВД на улице Короленко и отвели в одиночную камеру в подвале. Дневной свет туда не проникал, но

зато день и ночь горела сильная электрическая лампа, и кровать была нарочно поставлена так, чтобы этот сильный свет был в лицо спящему, руки надо было оставлять поверх одеяла. несмотря на сильный холод. Режим был очень суровый, кругом была абсолютная тишина, тюремщики говорили только шепотом и каждые пять минут заглядывали в оконце в двери. Днем можно было сидеть, но прислоняться к стене запрещалось, ходить же по камере я не мог из-за больных, отмороженных ног и поэтому должен был сидеть, как статуя, на кровати. Там меня подержали около двух недель, в так называемом карантине, тюремный врач приходил каждый день лечить мои ноги.

Затем меня перевели в другую камеру, где уже было два арестанта. Каждую ночь нас вели на допрос. После отбоя, когда мы только что собирались спать, открывалась дверь, шепотом произносилась первая буква фамилии, надо было наскоро одеваться и по команде вооруженного солдата идти к следователю.

Также и мой следователь в Киеве не применял ко мне никаких физически насильственных действий; у него был другой метод: в течение целых месяцев он почти каждую ночь заставлял меня сидеть в своей канцелярии до пяти часов утра, при этом он часто совсем мной не занимался, читал газеты, принимал подчиненных и т.д. В конце концов, я так ослабел от недостатка сна, что почти не мог ходить. Тогда следователь разрешил мне спать два часа днем, но это было больше теоретически, так как часто в это время нас вели на «прогулку»: для этого был специальный двор, окруженный высокими стенами по которому надо было молча ходить один за другим, наверху был помост, на котором стоял вооруженный тюремщик. Во время бесконечного сидения по ночам в канцелярии моего следователя, я мог убедиться, что с другими так «хорошо» не обращались, как со мной; из других помещений часто слышались крики и стоны, иногда женских голосов, мои товарищи по заключению много раз возвращались с допросов с синяками на лице, а один из них совершенно потерял слух от ударов по голове. В противоположность следователям тюремный персонал держал себя корректно, врачи были объективны и даже любезны. Продовольствие было намного лучше, чем в Баденской тюрьме, и даже было удовольствие, а именно — пользование прекрасной тюремной библиотекой, в которой даже было несколько библиографических редкостей.

В нашей камере нам случайно удалось узнать интересную статистическую цифру: один из арестантов демонстративно не исполнил приказаний тюремщика, тот пожаловался начальству, и к нам в камеру пришел полковник. В большом волнении он начал выкрикивать угрозы и, между прочим, заявил нам: «Не думайте, что мы не сможем укро-

тить вас, у нас таких, как вы, тридцать миллионов в лагерях, и мы находим средства держать их в очень спокойном состоянии». Такое замечание официального и хорошо осведомленного лица заставляет много думать на тему гуманности.

Несмотря на все свои старания, мой следователь не мог найти никакого материала против меня, кроме моей деятельности на Украине в 1917-1919 гг.; мое дело было отправлено в Москву. По прекращении допросов я несколько оправился, мои товарищи по заключению все время менялись — одних предавали военному суду, других отправляли на сборный пункт этапов в Сибирь, а освободившиеся места быстро пополнялись новыми арестантами. Скоро и меня отправили на сборный пункт в «Лукьяновку». Там я попал в большую камеру, где было больше тридцати человек, главным образом евреи из интеллигентных профессий. Они уже раз отбыли наказания, были освобождены и опять арестованы по тому же самому обвинению. Позже я встречал в лагерях много таких арестантов, приговоренных второй раз за то же самое «преступление». В лагерях также много было людей, которые действительно добровольно вернулись на родину, поверив перспективам и обещаниям, которыми их заманили. Их или арестовывали сейчас же по вступлении на советскую территорию, или оставляли на свободе, а затем через год или позже все равно арестовывали, обвиняя их под каким-нибудь предлогом в шпионаже. Среди бесчисленного количества таких «преступников» я видел разных инородцев, которые ни слова не знали по-русски, много китайцев из Манчжурии, бежавших при наступлении туда японцев и обвиняемых в шпионаже для японских военных властей, эскимосов, тувинцев — о сих последних я раньше даже не знал. Всех их осуждали на судебном процессе, проводимом весьма быстро и только для виду, иногда даже допускался официальный защитник, но его речь скорее была обвинением, чем защитой.

В «Лукьяновке» режим был несколько легче, можно было в любое время спать и разговаривать друг с другом. 17 июля 1949 г. меня неожиданно повели в канцелярию тюрьмы; находящийся там подполковник дал мне маленькую бумажку и приказал прочитать и подписать. Это был приговор ОСО, так называемого Особого Совещания, коллегии из трех лиц, уполномоченных московскими властями назначать наказания без суда, которые никто не имел права изменять: решения ОСО были безапелляционны. Приговор был на 25 лет заключения в ИТЛ, т.е. в исправительно-трудовых лагерях, за что — не было обозначено ни одним словом, а в рубрике “гражданство” вместо австрийского стояло «бесподданный». В моем 73-летнем возрасте это был просто смертный приговор; на мое замечание, что в отношении подданст-

ва графа заполнена неправильно, подполковник резко ответил, что ОСО не ошибается. Мне не оставалось ничего более, как поблагодарить за то, что мне приказывают дожить до ста лет. На это подполковник уже добродушно решил меня утешить и сказал: «Да вы не беспокойтесь, приговор не имеет для вас практического значения, больше пяти лет вы все равно в лагерях не выдержите».

Обогащенный этими новыми сведениями о жизни в Советском Союзе, я в мрачном настроении вернулся в мою камеру. Теперь я уже был осужденный преступник, без прав, без надежды, даже мое австрийское подданство было совершенно беззаконно от меня отнято; несмотря на то, что в Австрии было всеми признанное правительство. Мне только оставалось ждать этапа в ссылку.

В августе меня отправили в Москву на сборный пункт для этапов «Красная Пресня». Этапы составлялись там быстро и секретно. Ночью, как всегда в Союзе, нас вызвали по фамилиям, вывели в коридор тюрьмы, солдаты азиатского типа заставили нас совершенно раздеться и начали обыскивать, выкидывая на пол содержимое наших мешков и чемоданов. Затем, приказав нам как можно скорее все уложить, нас вывели на тюремный двор и оставили там стоять до утра. Рано утром нас еще несколько раз пересчитали и повели к вагонам (ветка железнодорожной дороги была проведена до тюрьмы); по обеим сторонам стояли шпалеры солдат с автоматами наготове и с большим количеством собак на привязи. Позади солдат стояла толпа любопытных, которые провожали нас криками: «Фашисты, враги народа, лакеи капиталистов» и т.д. С этими напутствиями нас погрузили в вагоны для скота по 80 до 100 человек в каждый, и дальше все пошло, как обычно, включая постоянные проверки. Куда нас везли, нам не было сказано, но иногда в щели вагона мы видели названия станций и знали, что мы по дороге в Сибирь.

Езда тянулась более трех недель и, наконец, нас привезли в новооснованный маленький город Тайшет, находящийся приблизительно в середине между Красноярском и Иркутском на сибирской магистрали Москва-Владивосток. От станции до лагеря мы должны были идти пешком около 5 километров. Конвой принял нас от железнодорожной охраны, и тут мы в первый раз услыхали команду, которую потом слышали каждый день: «Становись по пяти, берись за руки, шаг в сторону — стреляю без предупреждения».

Тайшет был главным сборным пунктом для этапов в так называемые спецлагеря с особенно суровым режимом. Несколько сот лагерей вдоль железной дороги Тайшет — Лена относилось к этой категории и подчинялись центральному управлению в Тайшете. Хотя в приговоре

ОСО было обозначено, что я — заключенный в исправительно-трудовых лагерях, где порядок был совсем другой, чем в особых закрытых режимных лагерях тайшетского района, меня оставили в Тайшете.

Так как в то время ссылка в Сибирь шла очень напряженным ходом и поезд за поездом день и ночь подвозили на сибирскую магистраль все новые и новые контингенты арестантов, тайшетский сборный лагерь был переполнен. Наш этап поместили в столовой, и я спал на столе, а большая часть людей лежала на грязном полу. Там я пробыл больше двух месяцев; наступила осень, и нас посылали бригадами по 25-30 человек, как даровых рабочих, копать картофель на полях, а при возвращении в лагерь вечером обыскивали и отнимали каждую найденную картошку. Пока стояла хорошая погода, было не так плохо работать, а когда начались дожди, стало тяжело. Хотя нас перевели из столовой в барак, но печей не топили, одеял у нас не было, и наша одежда служила нам и одеялом, и матрацем, и подушкой; приходилось не только спать во всем мокром, но и утром выходить в таком виде снова на работу. Люди начали хворать. Вскоре меня перевели на заготовку топлива; в моем возрасте и после долгих месяцев тюрьмы и этапов это была очень тяжелая работа.

Таким образом, прошел весь октябрь, сибирская зима уже начиналась, но теплой одежды нам не выдавали, и мы все еще ходили в летней, как приехали. В лагере было также отделение для женщин, их там было около 600, и их также заставляли работать.

Несмотря на работу, поверки и строгий режим, жизнь в лагере была все же легче, чем в тюрьмах, и надзиратели и конвойные не были придирчивы. Лагерь был окружен забором в три метра высоты, поверх которого была протянута колючая проволока. В каждом углу была наблюдательная вышка, на которой день и ночь стоял вооруженный дежурный.

Несмотря на надзор за каждым шагом арестантов, в октябре была попытка побега. Пять человек из нашего лагеря были отправлены на грузовике на земляные работы, для чего им выдали железные лопаты. Этими лопатами они убили обоих конвойных, сильно ранили шофера, и, сбросив его с машины, умчались на ней полным ходом. Шофер из последних сил дополз до лагеря и доложил о случившемся. По телефону немедленно были вызваны из Красноярска и Иркутска команды войск НКВД со специально дрессированными собаками. Так как Тайшет находится посредине между этими городами, команды, идя друг другу навстречу, окружили местность, в которой находились беглецы. На третий день их поймали: за неимением бензина они продолжали бегство пешком; трех из них застрелили, а двух остальных так избили,

что их отправили в лазарет прежде, чем предать суду. Во время моего пребывания в других лагерях было еще несколько таких попыток, которые кончались безуспешно. В тайшетском районе это вообще было безнадежно, так как все свободные жители были обязаны доносить ближайшему лагерю, если они видели незнакомого человека, и получали за это довольно крупные награды. У беглеца могла быть только возможность жить в лесах и кормиться охотой, если у него было оружие, и то только летом, зимой же о бегстве нельзя было и думать.

В конце октября дошла и до меня очередь переехать из сборного лагеря в постоянный. В этом лагере жили раньше японские военнопленные; возможно, что они нарочно привели его в полный беспорядок. Окна в бараках были побиты, двери сломаны, не было ни столов, ни лавок, пекарня не работала, так что несколько недель нам вместо хлеба давали муку, размешанную в горячей воде; колодезь тоже был испорчен, и на весь лагерь привозили только одну бочку воды в день. Здесь жизнь была много тяжелее, чем в Тайшете. Среди арестантов было много уголовных преступников, у которых была своя внутренняя организация и которые очень враждебно относились к нам, политическим или, как они нас называли, «фашистам». Персонал был также совсем другого рода, чем в Тайшете. Каждый раз, когда кто-нибудь из них проходил мимо, будь это хоть двадцать раз, все арестанты должны были вставать. Только уголовные этого никогда не делали, против чего не возражалось — это были «свои люди». Работа здесь была на каменоломне и главным образом — погрузка камней в вагоны. Погода становилась все холоднее, а мы все еще были в летней одежде и рваной обуви, люди отмораживали себе ноги, а в санчасти было место только на десять человек. Больных продолжали гонять на работу, бригадиры, т.е. начальники рабочих бригад, назначались управлением лагеря из уголовных, так как они не знали жалости и заставляли выполнять больше всего работы, что было самое важное для начальства лагеря.

Летом в лагере не было сделано запаса топлива, и несколько бригад отправили на рубку леса, в том числе и меня. Срубленные деревья люди должны были нести в лагерь, хотя в лагере для этого были волы и лошади. Два раза в день была поверка, при которой надо было стоять на морозе полчаса и дольше без движения.

В конце января я заболел скорбутом и острой дистрофией и первого февраля 1950 года был отправлен в госпиталь. Первое впечатление по прибытии было весьма своеобразно. Нашу группу больных, среди которых было несколько с высокой температурой и, вероятно, с воспалением легких, привели во двор больницы, где заставили раздеться и начали обыскивать. Продержав нас более получаса раздетыми

на морозе и с босыми ногами на снегу, нас повели в баню, одежду от нас отобрали и дали нам легкие халаты и домашние туфли. В такой мало подходящей для сибирской зимы «обмундировке» нас повели через дворы и больничные бараки. Больница была переполнена, и нас поместили там, где еще были свободные места, не обращая внимания на род болезни: люди со внутренними болезнями попали к пациентам с венерическими болезнями, туберкулезные к страдающим желтухой и т.д. Как это ни странно, меня поместили в барак, где были женщины с маленькими детьми, так называемые «мамки», весь персонал был исключительно женский. До поздней ночи там стоял крик и плач детей, зато весь барак был в большой чистоте и порядке, и сестры относились очень внимательно.

Тут я пробыл весь февраль, пока всех женщин не перевели в другое место; персонал переменили на санитаров, главным образом, из уголовных преступников, они были очень ленивы и грубы и часто брали себе половину порций, предназначенных для больных. Врачи были также из арестантов, но большей частью знающие и внимательные. К сожалению, заведующей больницей была жена одного из надзирателей, у нее было образование фельдшера, но зато партийный билет. Она приходила в бараки только для того, чтобы выписывать людей из больницы по собственному вдохновению, только мельком взглянув на них, и люди часто возвращались в лагерь в худшем состоянии, чем были при поступлении в больницу. Меня она также признала здоровым и хотела выписать из больницы, но выяснилось, что я заразился желтухой от лежавшего рядом со мной больного. Меня оставили в больнице, и даже довольно надолго, так как, несмотря на большое количество больных желтухой, не было соответствующих лекарств, и лечение было предоставлено природе, которая во всех случаях оправдала себя.

В конце апреля пришел из Москвы приказ выписать в лагеря всех старых людей и в будущем принимать только так называемых категорийных, лечить их и как можно быстрее возвращать на работу. На этот раз меня послали в другой большой лагерь, около 800 человек, предназначенный специально для чахоточных, хотя я никогда в жизни не страдал легкими. Кроме меня, там было еще несколько здоровых арестантов; начальник лагеря, придя по какой-то причине в ярость, заявил нам один раз, что мы сюда присланы не для отдыха, а чтобы больше отсюда не выходить, и чем скорее мы отправимся на тот свет, тем лучше для советского государства. Было ясно, что был расчет нас заразить туберкулезом.

Начальник лагеря был большей частью пьян, цель его была — заставлять как можно больше работать, чтобы потом доложить свои успехи начальству. Его правая рука, так называемый нарядчик, распределявший людей на работу, был молодой уголовный преступник и настоящий садист, который выжимал из арестантов последние силы. Когда его покровителя перевели в другой лагерь, его также командировали в другое место и по дороге его нашли повешенным в вагоне. За время моего пребывания в лагере было еще три убийства. Комендант, вторая важная особа после нарядчика, тоже из арестантов, был известен, как «стукач», т.е. доносчик, и два арестанта, на которых он донес, проломили ему голову, когда он спал после обеда. Другого стукача, просто из арестантов, убили топором. Этот случай был типичен в лагерной жизни: хотя люди шли на продажу своих товарищей из-за выгод, которые они за это получали. Третий случай убийства носил другой характер. Как уже было сказано, во времена Сталина и Берии было общим правилом перемешивать в Тайшетских спецлагерях политических арестантов с уголовными. Это было дополнительным наказанием для «врагов народа», как нас, политических, официально называли. Преступные элементы были объединены между собой, имели своих тайных руководителей и своеобразную, весьма суровую дисциплину. Нормальным наказанием за ее нарушение и за споры между собой был нож. Каким образом они переправляли в лагерь ножи, несмотря на то, что каждого при входе детально обыскивали, осталось для меня загадкой, но факт тот, что все они были вооружены большими ножами. Вообще они гордились своей профессией, особенно те, которые принадлежали к «высшей ступени» бандитов. Как мне рассказал один из них, в воровской профессии есть 30 разных категорий, начиная с мелких карманных воров и кончая разбойниками и убийцами. Кроме ножей, у них всегда были карты, и, несмотря на запрет, они играли почти все ночи напролет в азартные игры. Бригадиров, т.е. надзирателей они держали под угрозой мести в случае доноса, а также и стража их побаивалась. В карты многие проигрывали свою одежду до последней нитки, а затем крали у других. Иногда, как последнюю возможность выиграть, проигравшийся ставил человеческую жизнь на карту — в случае проигрыша он обязывался убить какого-нибудь человека, неприятного для их организации, будь это арестант или сам начальник лагеря; такие случаи бывали много раз, так как если проигравший не выполнял своего обязательства, организация уничтожала его самого. Я сам был свидетелем, как проигравший должен был дать пощечину оперативному офицеру, что он и сделал, хорошо зная, что ему за это грозит тяжелое наказание. Один раз политический арестант получил от родственников

пакет, в котором было пальто. Оно очень понравилось тайному руководителю уголовных, и получателю было немедленно предложено «подарить» пальто бандиту. Он отказался и был в ту же ночь убит, а пальто бесследно исчезло. Убийцу не нашли, да, вероятно, на самом деле и не искали: уголовные были для надзирателей «свои люди», которые считали лагеря своим постоянным местом жительства.

Также и в этом лагере людей применяли вместо упряжных животных: кроме топлива, требовался материал для столярной мастерской, и для доставки его из леса были составлены специальные бригады по 12 человек на сани. В течение всей зимы они должны были возить, запряженные в сани, без дорог и по колена в снегу, дрова и тяжелые балки из леса в лагерь, иногда на расстоянии нескольких километров. Разумеется, туберкулезные умирали, как мухи, а когда врач попробовал освободить некоторых из них от такой работы, его самого сняли с должности и отправили в лес. Начальство просто заявило, что мы на то и присланы сюда, чтобы живыми не выйти.

Было в лагере и одно отрадное событие: среди арестантов был один профессиональный артист, организовавший очень хорошую труппу. Хотя женские роли исполнялись мужчинами, но и для этого нашлись таланты. Этот артист был типичный представитель добровольно вернувшегося на родину русского эмигранта. Два года его оставили жить на свободе и, несмотря на то, что он очень корректно держал себя в отношении советских властей, его арестовали на основании трафаретного обвинения в шпионаже, для которого был изобретен предлог. Его артистическая карьера в лагере закончилась несколько трагикомичным, но типичным для условий в Союзе случаем. Один раз, приготовляя какую-то сцену, он разложил на полу старые газеты, и в этот момент на подмостки взошел так называемый опер, оперативно уполномоченный представитель государственной безопасности, обязанность которого была следить за настроением и поведением не только арестантов, но и персонала. Не успел он сделать шаг вперед, как сразу отскочил в сторону, закричав, как ошпаренный: на полу лежала газета с портретом Сталина, и опер наступил ногой на его усатое лицо и нечаянно оскорбил «Величество». Бедного артиста немедленно сместили и послали в рабочую бригаду, а театр закрыли, так как опер упорно подозревал, что это унижение «отца народа», как тогда всегда называли Сталина, было подготовлено нарочно.

Кроме этих типичных штрихов, не могу не прибавить еще несколько других, пережитых мною в лагере. В начале 1953 года к нам прислали восемь новых надзирателей. Это были молодые люди, только что закончившие свое комсомольское образование. Они были очень

строги с нами, постоянно ругая людей, не вставáвших, когда они проходили мимо. Но при проверке они долго не могли установить количество арестантов; потом выяснилось, что они не могли правильно сложить записанные цифры, а ведь это были не какие-нибудь отсталые ученики, а представители советской молодежи, избранные для ответственной работы. Малая, но характерная черта в отношении народного образования, о котором столько похвальных статей в советской прессе.

К общей системе управления лагерями относятся также награды для следователей за каждого преданного ими суду «преступника», признавшегося в своей «вине», и награды солдатам за каждого застреленного при попытке к бегству арестанта. При выходе бригад на работу арестанты должны брать с собой так называемые «запретки», т.е. колы с прикрепленными к ним надписями «запретная зона». На месте работы конвой расставлял эти «запретки» вокруг рабочей бригады и за их линию нельзя было выходить. Один шаг за «запретку» считался попыткой к бегству, и конвой стрелял без предупреждения. Я был свидетелем трех случаев, когда конвойные нарочно ставили людей в это положение, чтобы получить награду (кроме денег, им еще полагался за это дополнительный отпуск). При лесных работах срубленные деревья иногда падали своими вершинами за «запретку»; двое человек, обрубая с них ветви, перешли во время работы за запретную линию без всякого намерения бежать и были застрелены на месте. Третий случай был еще хуже: конвойный сам приказал арестанту собрать ветви, лежавшие за запретной зоной, и как только он сделал шаг за «запретку», выстрелил в него. К счастью, он был плохой стрелок и только ранил арестанта, тем не менее, рана была тяжелая, и только благодаря стараниям прекрасного хирурга, который тогда был в лагере, жизнь этого молодого арестанта была спасена. Хотя вся бригада подтвердила оперу злой умысел конвойного, арестантам, конечно, не поверили: люди в форме могли делать, что угодно, а двуногие существа с номерами каторжников даже не считались людьми.

Начальство часто состояло из ярых чекистов, без образования, без морали и без души. Верхи требовали от них сурового обращения с «врагами народа», и только этим они могли отличиться и сделать карьеру. От одного врача в военной форме я сам слышал гордую фразу: «Я, прежде всего, чекист, а потом только врач». В лагерь каждые три месяца приезжала медицинская комиссия для распределения арестантов по категории, т.е. на работоспособных и инвалидов; после осмотра, произведенного этим врачем-чекистом, занимавшим высокий пост, количество работоспособных всегда сильно увеличивалось, а также и его успех у высшего начальства.

К сожалению, в медицинской профессии иногда встречалась некоторая непорядочность со стороны самих арестантов: при тяжелой жизни в лагере уж очень было для многих заманчиво освобождение врачей от работы. Таким образом, будучи больным, я один раз попал в руки врача, который на самом деле оказался совсем не доктором медицины, а доктором права. В другом случае ветеринар выдавал себя за врача — он прекрасно лечил коров и свиней в лагере, а когда к нему приходили лечиться люди, надо сказать, что он все-таки был очень осторожен и от всех болезней давал лекарства из одной и той же бутылки.

В ночь на 5-е марта 1953-го года нас разбудили продолжительные и громкие гудки все паровозов на станции вблизи лагеря. Вскоре в бараки пришли дежурные надзиратели и пояснили нам причину этого шума — умер Сталин. Мы должны были встать и простоять пять минут молча в доказательство нашего горя по этому поводу. Но не успела стража выйти из барака, как начали обсуждать эту весть, не обращая внимания на стукачей; все выражали надежду, что теперь наше положение изменится; при постоянном напряжении нервов заключенные стали наивны, как дети, и хватались за всякую тень надежды. Но нас постигло горькое разочарование — правда, новое правительство объявило амнистию, но только для «своих» уголовных, а нас, политических, она не касалась. Тем не менее, смерть Сталина была слишком крупным событием, чтобы не повлиять на настроение арестантов. В большом лагере в Норильске, около устья Енисея, в Воркуте около Печоры и на юге в Караганде вспыхнули открытые восстания, которые были кроваво задушены войсками МВД, по старому сталинскому методу. Но жертвы героических повстанцев все же дали результат для всех заключенных, особенно активно боролись с лагерной администрацией в разных лагерях норильчане. Правительство забеспокоилось и выслало уполномоченных из Москвы в лагеря. Они созвали нас на собрание и заявили, что считают нас людьми и что наши просьбы будут рассмотрены; были также произведены некоторые реформы в нашей жизни. Номера, которые мы столько лет носили на спине и на ногах, были сняты, и также решетки с окон, бараки перестали запирать на ночь. Начали платить за работу, конечно, по очень низкому тарифу и с предписанием высокой нормы, но все же можно было улучшить пропитание, так как в лагерях стали продавать продукты. Особенно важно было разрешение писать раз в месяц письма родным, раньше мы имели право писать лишь два раза в год, но эти письма почти никогда не доходили, а теперь их стали пропускать.

В 1954 году мы вновь обрели надежду с появлением указов об освобождении малолетних, т.е. тех, которым при аресте еще не было

18 лет, и старых свыше 65 лет. Время шло, но указы не проводились на практике, пока не выяснилось, что для освобождения малолетних требовалось разрешение лагерной администрации, а так как карьера заведующих зависела от успешной работы их бригад, начальники лагерей не хотели отпускать молодежь. Что касается старых, для них требовалась так называемая «актировка», то есть решение специальной медицинской комиссии, которая, вероятно, имела тайное указание очень строго выбирать кандидатов на освобождение. В нашем лагере из 65 человек актировали только 9, в том числе и меня, но это не было освобождением, так как вскоре пришел из Москвы приказ «временно» остановить освобождения, указы оказались только пропагандой, только очень малое количество людей было действительно освобождено.

Все же некоторая нерешительность и колебание в отношении обращения с заключенными ясно чувствовалось, но сталинские традиции, интересы и привычки лагерного персонала сильно тормозили попытки провести новый курс. Это также характерно и вообще для всей линии советского правительства после смерти Сталина.

После указов в лагерях была объявлена новая реформа: была введена категория «не конвоированных», а именно арестантам, которым уже недолго оставалось отбывать срок заключения, разрешили ходить на работу без конвоя. Правда, они должны были выполнять очень высокие рабочие нормы, но могли распределить свое время в течение дня, как хотели. Эта мера позволила нам сделать совсем новые наблюдения: можно было войти в общение со свободным населением, с которым до сих пор нельзя было сказать ни слова. При этом выявились совершенно для нас неожиданные факты. Свободное население буквально бросалось на всякий род продуктов и одежды, которые только можно было купить у арестантов. В этот период я был поочередно в пяти разных рабочих колоннах, и везде была одна и та же картина: иногда свободные люди просили у арестантов кусок хлеба. В деревнях большая часть домов была без всякой обстановки, только в углу лежала куча соломы, нигде не было хозяйственных построек или сараев для домашних животных, да и самые дома были в плачевном состоянии.

В это время правительство начало открыто критиковать ошибки и недостатки сталинской эпохи, и XX-й партийный конгресс даже отменил Особое Совещание (ОСО), но это были больше теоретические дискуссии, и в практической жизни мало что изменилось. Руководящий слой в Союзе был и остался учеником Сталина, организатора всемогущества государства и строжайшего надзора и слежки. Это наследство перешло на его учеников, которые переименовали его в «переход к коммунизму», а самих себя в «прогрессистов». Психическое и мате-

риальное состояние, к которому сталинская система привела большую часть народа, дает возможность его преемникам манипулировать в отношении народа громкими фразами, лозунгами и заманчивыми обещаниями, но на самом деле действовать соответственно своему внутреннему убеждению. Народ в Советском Союзе не имеет права говорить, а может только повторять то, что ему приказывают. Помимо этих глубоко внедренной системы, также и свойство характера различных народностей Союза облегчают его руководителям политическую эквилибристику. Вся разнообразная масса азиатских народностей все еще находится на очень низкой степени культуры — с ними нет надобности долго разговаривать, достаточно отдавать им приказания и следить за их исполнением. Хозяин страны, великорусский народ, который веками нес на своих плечах всю историю России, и теперь представляет собой основной фундамент, на котором большевизм уже больше сорока лет старается воздвигнуть свое здание. Едва ли правильно утверждать, что масса русского народа настроена коммунистически. Из всех моих многочисленных наблюдений у меня сложилось впечатление, что крестьянская психика независимого землевладельца попрежнему преобладает в русском народе, но сталинская система так образцово его дисциплинировала, что он держит про себя свои истинные мысли и убеждения и никогда их открыто не высказывает. Народ давно привык подвергаться с громадным терпением различным производимым над ним экспериментам и повиноваться государственной власти без всякого сопротивления. Для этого необходимо одно только условие — эта власть должна быть своя собственная, русская, так как, кроме крестьянской психики, у каждого типичного русского есть еще одна психологическая черта — он прирожденный властолюбивый империалист. Веками он подчинял себе все новые и новые народы и области, он, конечно, гордится иметь своей собственностью такое колоссальное государство. Большевики предусмотрительно и искусно идут навстречу этому мировоззрению. Москва, историческая столица Великороссии, также и их столица, из которой они властно повелевают всей, только номинально федеративной территорией так называемого Союза Советских Социалистических Республик. Руководящая идея русского коммунизма — всемирная революция под руководством Москвы — и первенствующая роль России в коммунистическом мире звучат как новый громадный шанс для увеличения и распространения сферы власти России. Столь увлекательные перспективы будущего составляют забывать тяжесть настоящего, поэтому процент великорусских политических заключенных в лагерях был самый незначительный. Свободолюбивых народностей — украинцев и кавказских племен

— недостаточно по численности, чтобы что-нибудь предпринять, их слишком основательно преследовали и продолжают держать под надзором. Таким образом, преемники Сталина получили благоприятное для них наследство и, хотя у них нет той силы воли и того авторитета, они гибко лавируют в борьбе с современным духом, оставаясь в действительности непоколебимо верными своему учителю и его учению.

Прошло два года после смерти Сталина, а жизнь в лагерях шла своим чередом, хотя и была несколько легче. Уголовные элементы немного присмирели, лагерный персонал был менее строг, и в 1955 году мы в первый раз после многих лет праздновали Пасху. Общими усилиями мы устроили в бараке своего рода часовню и с глубоким настроением пропели «Христос Воскресе» - это было и для нас первым, хотя пока еще слабым, но все же воскресением из мертвых. После службы в двух бараках было приготовлено разговенье; для нас это все имело громадное значение — мы снова начали быть людьми.

После объявления указов об освобождении малолетних и старых, так и не выполненных на практике, прошло уже немало времени, и современный дух требовал от новых правителей чего-то нового. Они нашли подходящий рекламный трюк — исправление проступков, совершенных по указанию Берии, обвиняя его после того, как он был застрелен, в произволе и несправедливости. Советская пресса провозгласила широкую реформу, но долгое время ничто не шевельнулось, и в нашей судьбе не было никакого реального изменения.

Наконец, в апреле 1956 г. в наш лагерь приехал начальник целой Тайшетской группы лагерей. Он собрал всех нас и выступил с длинной речью о том, что коммунистическая идея побеждает весь свет, и при этом особенно подчеркнул «небывалый гуманизм советской власти» и ее заботы о развитии народного благосостояния и обеспечения всех прав культурных людей. В доказательство этого советского гуманизма он сообщил нам, что специальная комиссия будет объезжать лагеря и освобождать арестантов. Наученные горьким опытом, мы ему не поверили, но в мае 1956 г. комиссия действительно начала объезжать железнодорожную линию Тайшет-Лена, вызывать арестантов за лагерную зону и проверять акты; скоро она приехала и в наш лагерь. Комиссия эта работала очень регулярно по восьми часов в день и ежедневно допрашивала от 60 до 80 человек. Допрос был очень короткий и формальный, было ясно, что судьба каждого арестанта была уже решена заранее в Москве и полномочия комиссии были только фиктивны. Кроме рекламы для своего гуманного отношения, правительство хотело избавиться от большого количества инвалидов в лагерях, которые уже больше не приносили никакой пользы. Комиссия освободила довольно

большое количество арестантов, но многим только уменьшила срок заключения, а некоторых вообще не вызвала. Также не вызвали и нас, иностранных подданных и бесподданных; нам сообщили, что наше дело будет рассматривать другая комиссия.

Пришлось опять ждать и надеяться, и вот в августе 1956 г. неожиданно пришел приказ отправить все не советских граждан в лагерь, находившийся близ главного лагерного управления. Там мы предстали перед той же комиссией, которая три месяца тому назад заявила нам, что она не компетентна рассматривать наше дело. Это тоже типичное явление в советской официальной жизни — по тем же самым вопросам каждый день может быть от высшего начальства совсем другое предписание, чем накануне. Это естественное последствие гипертрофии работы всемогущего и за всем наблюдающего центра. Сталин все решал сам, и его метод продолжает применяться — в результате получается чрезмерный бюрократизм, одеревенелый формализм и абстрактная общность всех мер, без принятия во внимание местных и соответственных данному случаю особых условий и свойств, столь различных на такой колоссальной территории. В итоге вся государственная машина идет скрипучим и хромающим ходом, о чем, конечно, нигде не упоминается; наоборот, газеты все полны похвал настоящих большевистских приемов и энергии правителей государства. То, что только еще запланировано для будущего, нормально рекламируется, как уже достигнутое. Продукция, как правило, опубликовывается в старых, меньших единицах мер, которые официально уже давно отменены, но цифры в пудах выглядят гораздо внушительнее, чем те же количества, приведенные в тоннах.

Упомянутая комиссия сделала нам короткий, формальный допрос. Часть арестантов из нашей группы освободили, но предложили им выбрать себе местожительство где-нибудь в Союзе, а тем, у кого были там родственники, было приказано ехать к ним. Меня спросили только о личных данных и заявили мне, что после освобождения я должен остаться в Союзе, так как я родился на русской территории; с таким решением я ни в коем случае не мог согласиться.

Хотя комиссия и поздравила нас с освобождением, но управление лагеря произвело основательную поверку и отправило нас на станцию под особым конвоем. Мы снова вернулись в наш прежний лагерь и должны были там жить, как и раньше.

Через некоторое время меня снова вызвали в управление лагеря и опять предложили выбрать себе местожительство в Союзе. Я категорически заявил, что я австрийский подданный и желаю вернуться в Вену. Тогда допрашивающий меня офицер начал мне доказывать, что

я бесподданный, так как эта квалификация проставлена в приговоре ОСО (Особое Совещание, давно уже отмененное). Во время этого разговора перед ним лежал мой акт, и я видел, что там был документ о моем гражданстве, присланный австрийским правительством. В конце концов, он сказал мне, что я должен ждать решения из Москвы.

Решение это заставило себя ждать, но, наконец, пришел приказ отправить меня в Потьму, где был сборный лагерь для освобожденных. Потьма находится в Мордовской республике в 450 километрах на восток от Москвы. Из Тайшета я ехал туда 6 дней, но на этот раз в пассажирском вагоне, и мог смотреть в окно на окрестности: везде были те же бедные крестьянские дома и почти нигде не было видно хозяйственных построек.

Переезд в Потьму еще далеко не был разрешением ехать за границу. В лагере было несколько десятков людей, которые жили там уже второй год, а были и такие случаи, что оттуда людей возвращали обратно в лагеря или переводили в так называемые инвалидные дома. Эта перспектива меня больше всего пугала, так как там мне бы пришлось окончить мое существование далеко от моих родных и от всех возможностей культурной жизни. С конца сентября до половины декабря я должен был сидеть в Потьме, не зная, какая судьба меня постигнет. После долгих и тяжелых лет в ссылке это было очень тяжелое и удручающее испытание для нервов. Мы, «свободные», продолжали жить в лагере и подвергаться поверкам. Потьма — большой населенный пункт, и здесь можно было наблюдать, насколько снабжение населения продуктами нерегулярно и плохо организовано; род товаров большей частью совершенно случаен и не соответствует требованиям рынка на товары широкого потребления. В течение трех месяцев моего пребывания в Потьме, я, например, несмотря на все мои старания, нигде не мог получить сахару, и все население было в том же положении.

Тем временем этапы шли за границу; поехали немцы, поехало много австрийцев, а 17 декабря заявили даже туркам, которые ждали в Потьме уже полтора года, что их высылают в Быково, последний лагерь перед отправкой за границу. А я все еще ждал. Велико было мое удивление и счастье, когда утром того дня, когда выезжали турки, из Москвы пришел приказ добавить и меня к их этапу и также отправить в Быково.

В Быкове также были люди, ждавшие уже целыми месяцами окончательного решения правительства; были и тут случаи отправки назад в лагеря. Нас разместили в доме, где когда-то помещался фельдмаршал Паулус, командовавший германской армией под Сталинградом. Дом был окружен забором, а у ворот стояли часовые, но без авто-

матов. В Быкове я хотел купить хоть какой-нибудь теплой одежды, но, несмотря на то, что Быково — предместье Москвы и там было больше 20 магазинов для таких товаров, в декабре месяце ни в одном из них нельзя было получить зимних вещей. Факт сам по себе незначительный, но характерный и встречающийся на каждом шагу в том или другом роде, пополняя общую картину условий жизни в советском раю.

Через три дня после того, как меня привезли в Быково, счастье, наконец, улыбнулось мне, и пришло разрешение на выезд в Вену. Этим я обязан твердому настоянию австрийского правительства, которое по просьбам моей дочери в Вене много раз посылало обо мне запросы, прилагая все документы, доказывающие мое австрийское подданство; как я узнал впоследствии, на первый запрос Москва ответила, что я «добровольно вернулся на родину».

21-го декабря 1956 г. нас повезли автобусом в Москву; два часа нас возили по городу, чтобы показать нам его, а вечером посадили в вагоны; этим кончилась моя «экскурсия на восток», и притом довольно дальний — от Тайшета до Москвы больше 6000 километров. Путешествие в удобном спальном вагоне было совсем иное, чем в свое время из Австрии в Союз, но и на прощанье нас не оставили без надзора, и в пути нас сопровождали два офицера МВД. Мы выехали на Брест; окрестности по этой линии, где проезжает много иностранцев, имели совсем другой вид, дома и прочие постройки выглядели совсем иначе, чем бедные деревни внутри страны. 22-го декабря я переехал через польскую границу и покинул Советский Союз, а 23-го декабря 1956 года был уже в Вене. Довелось мне в 81 год, после восьми лет в ссылке, отпраздновать Рождество в кругу семьи и старых друзей.

Кончилась эта своеобразная страница моей жизни, и кончается мой рассказ, в котором я привел подлинные факты, ни приукрасив, ни исказив их. Как и везде на свете, есть идеалисты и в Советском Союзе, но пока принципы человеческого достоинства и гуманности, так высоко возносимые там в теории, и то, что существует там на самом деле и практикуется на каждом шагу, — представляет собой ножницы, далеко и широко расходящиеся своими концами. Уже давно нет на свете ни Сталина, ни Берии, но сталинизм не только еще жив, а даже и весьма актуален.

Примітки

[1] Див.: Тинченко Я. Генерал Олександр Греків: військова діяльність і доля // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2001. – № 2. – С. 343-415.